

The background of the book cover is a photograph of classical architecture, featuring several tall, white columns and a pediment with a cyma recta molding. The image is in a warm, sepia-toned color palette. A white rectangular box with a black border is positioned in the upper right quadrant, containing the author's name and the title.

РОМАН ЛОШМАНОВ

VIA ROMA

Роман Лошманов

Via Roma

«Издательские решения»

Лошманов Р.

Via Roma / Р. Лошманов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853989-3

Книга о том, что можно увидеть в Александрове и Ленино, в Сингапуре и Бельгии, в Тюмени и Южной Африке, в Северной Осетии и Алтайском крае, в Брянской области и в Смоленской области, в Тырети, Арзамасе и многих других местах света. Некоторые тексты были ранее опубликованы в журналах «Афиша-Еда» и «Афиша-Мир», а также на сайте eda.ru.

ISBN 978-5-44-853989-3

© Лошманов Р.
© Издательские решения

Содержание

Александров в марте 2003 года	6
Остлянд в июне 2004 года	7
Черусти в июле 2004 года	9
Арзамас в июле 2004 года	10
Струнино летом и осенью 2006, 2007, 2008 и 2009 годов	11
Свинушки и Заречный в июне 2007 года	20
Скопин в июне 2007 года	22
Ленино в июле 2007 года	23
Щёлкино в июле 2007 года	24
Ильичёвка в июле 2007 года	25
Тюмень в августе 2007 года	27
Тобольск в августе 2007 года	29
Турин в сентябре 2007 года	31
Канале и Альба в сентябре 2007 года	33
Севастополь в июле 2008 года	34
Бахчисарай в июле 2008 года	35
Южная Африка в августе 2008 года	36
Стамбул в декабре 2008 года	45
Арзамас в марте 2009 года	49
Бутурлино в мае 2009 года	50
Александров в июне 2009 года	53
Сергиев Посад в июне 2009 года	56
Коктебель в июле 2009 года	57
Арзамас в октябре 2009 года	59
Арзамас в декабре 2009 года	60
Крым в августе 2010 года	62
Бутурлино и Дальнее Константиново в октябре 2010 года	67
С Маврикия в Москву в декабре 2010 года	69
За Балашихой в июле 2011 года	72
Могилёв в ноябре 2011 года	74
Волгоград в декабре 2011 года	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Via Roma

Роман Лошманов

© Роман Лошманов, 2017

ISBN 978-5-4485-3989-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александров в марте 2003 года

Мы хотели в Тарусу и хотели в Ботанический сад, а поехали в Александров.

Два часа от Москвы – и люди живут совершенно иначе. Несколько раз у меня было полное ощущение, что я в Арзамасе, в десяти минутах ходьбы от дома. Рынок, какой у нас был лет пять назад: грязный и тряпичный. На улице Ленина, переходящей в Советскую, стоит телевизионный завод. Глядя на его заголовок, я вспомнил, что у нас же был, когда я был совсем маленьким, чёрно-белый александровский «Рекорд» с выгнутым кинескопом.

Улица Ленина обшарпана и снижает этажность по мере переходнения в Советскую и продвижения к Кремлю, почти что сходит на нет. Из снега торчит обрубок пионера-партизана, выкрашенного серебрянкой. По краю крыши, в треугольнике чердака, идёт кот. Вывески магазинов такие: «Три ступеньки», «Хороший», «Вода и тепло», «Мягкий мир», «Мир кожи», «Мир обуви» и ещё несколько миров. Город помешан на обоях: заклеим и переклеим; обойные вывески на каждом почти доме. На столбах традиционные для провинции «Волосы!». (Когда мы ездили в Тулу, Чемоданов спросил у Коли Свиридова: «У вас что, все на жизнь волосами зарабатывают?»)

Перед Христорождественском собором со снесенной колокольной возносится к небу женщина с флагом. На постаменте от надписи сохранилась только большая буква «О» точно посередине. В Парке культуры и отдыха с кривыми зеркалами и аттракционом «Железная дорога» на скамейке сидят сразу три молодых мамы: коляски туда-сюда, как поршни. Небольшой парапет над обрывом с классическими вазами, на атлантах местными талантами обозначили ранее неявно выраженные первичные половые признаки. В доме купца Первущина местный художественный музей: открываясь, калитка издаёт такой скрип, какого я в жизни не слышал ни одного раза, а закрывается молча; музей закрыт.

Бывшая недолгая столица, настолько забытая и заброшенная уже в давние времена, что ни на что не годной её не посчитали, кроме как на женский монастырь. Внутри Кремля пустынно. На деревьях сидят вороны как плоды. Голуби слетаются к самым ногам, ходят между ног, чуть ли не по ботинкам. Над головою не бывало синее небо. В музее иконы семнадцатого века, нарисованные как будто митьками. Есть икона с теньями: стоят Сергей и Николай Мирликийский, над ними на облаке господь, а от святых тени – у одного направо легла, у другого налево. Есть Троеручица: вроде Богоматерь как Богоматерь, а с тремя руками. Есть Страшный суд: азартные черти обрабатывают грешников розгами, пьяницы пьют – не напьются, по сребролюбцам ползают серебряные червячки.

Потом отыскиали дом-музей Цветаевых в военном переулке: в Александрове работал муж Анастасии, Марина помогала по хозяйству. В покосившемся и вросшем в землю доме скрипучие половицы, оклеенные бумагой потолки. И «художественно-мемориальная композиция», стоящая по комнатам гармошкой, в виде стекла в перекошенных тонких рамках. «Это у нас букет символизирующий...» – «Сами делали?» – «Нет, что вы, его, как и всё здесь, изготовили лауреаты государственных премий! Это у нас Мандельштам. Сбитый осколок стекла символизирует трагическую судьбу, а бабочка – его душу. Такая бабочка у нас не одна, но вы не считайте, считают у нас только детские группы. Вам я сразу скажу: их шесть. А это беседка Марины Цветаевой. Она как будто только что вышла на минутку, и скамейка пустует. Кстати, говорят, что на этой скамейке очень хорошее биополе, да. А в этой комнате у нас плачет Марина. Она же была поэт-пророк. Сначала заплакал один портрет. Мы – что такое? Заменяли его другим, а он, как видите, тоже растёкся. Молодые люди?!»

На обратном пути сошли в Сергиеве, где лавра была украшена как буддийский праздник. Нищие поздравляли у ворот монастыря с 8 марта, а один бродяга, уже весёленький: «С праздничком вас! – сказал. – Молодцы вы, хоть и улыбаетесь!»

Остлянд в июне 2004 года

Странное место нашли мы с Ксеньей.

Мы прошли сквозь парк возле Преображенского кадетского корпуса. В этот парк, рассказывала О. Б., Ксенина подруга, раньше наезжали машины картёжников. Игра шла крупная; однажды одного из проигравших и не расплатившихся повесили на ближайшем дереве. Ничего мрачного, впрочем, в этом парке нет. Дети качаются на качелях, беседуют пенсионеры, семьи из близких домов пекут в кустах и в кострах картошку, иные играют в футбол, иные – в волейбол.

Мы прошли парк насквозь и вышли к Окружной железной дороге. Перешли через пути, но свернули не направо, а взяли прямо.

Направо мы уже ходили однажды, там находится заведение, в котором учился Вася Ходяков. За десять лет, которые он обучался, оно превратилось из Высшей партийной школы в Социальный университет. За Социальным университетом – больницы и институт-интернат для инвалидов, единственный в мире. Его устроили в здании школы, предназначенном на снос; я был там однажды.

В прошлый раз, когда мы были в этих местах, нам встретилась велосипедистка. Она спросила дорогу на Абрамцевскую просеку. Я достал карту, и мы нашли, что дорожка должна быть где-то рядом с автомобильным мостом, но никаких её признаков на местности не обнаруживалось.

И вот мы решили отыскать этот путь. Тем более, что карта указывала путь с просеки к ЦНИИ туберкулёза: широкая дорога, идущая под железнодорожными путями. Окрестности ЦНИИ мы уже изучили и вдоль, до конюшен лесничества, и поперёк, до платформы Яуза, а этой дороги не замечали.

Оказалось, что дорожка начинается от Лосиноостровской улицы, возле самого моста, неприметным бугорком, через который надо было перевалить. Широкая тропинка вела прямо в лес. Мы шли и дышали цветущим воздухом и дошли до развилки. Оказалось, что перпендикулярная тропинка, ничем не отличавшаяся от первой, и есть та самая просека, которая на планах обозначена широкой проезжей частью.

Свернули налево и почти сразу же наткнулись на заросшую железнодорожную ветку. «Вот так да!» – сказали мы друг другу. Рельсы без поворотов уходили в глубину обступившего их плотнее некуда Лосинового острова. Вдалеке шептали смех и речь пикникующих.

Мы продолжили путь по лесу. Звенели птицы, шуршали травы. Послышался металлический звук, и мы увидели человека, везущего на колёсном приспособлении алюминиевую флягу. Из зелени и веток проступил дом. Он был полуразрушен и прятался в заброшенном разросшемся саду, состоящем из неопрятных старых яблонь и вишен и кустарников, ломавших дряхлый забор. На крыльце сидел ещё один человек, а в саду, возле пугала, возился и ещё один. На калитке была прибита табличка: «Ostland». Справа от калитки висел дорожный указатель со стрелкой «Поповка – 5 км», а слева – другой, настоящий дорожный: «Орел Orel». Судя по всему – по месту, по одежде людей, по странным табличкам – мы набрели на дом бездомных.

За заброшенным домом потянулись разрушенные кирпичные постройки и бетонные, с торчащей арматурой, заборы. В просветах виднелись поезда и платформа Белокаменная. «Склад вторсырья», – было покрашено на кривых воротах, за которыми росла хозяйственная пустыня. По пустой и тихой дороге мимо нас прожужжал мотороллер с полным маленьким багажником. Водитель косо посмотрел на нас из мотоциклетного шлема. На придорожном высоком растении с белыми цветами сидели четыре жука-бронзовика. С асфальта к поросшему водоёму задвигался испуганный большой уж с высоко поднятой головой,

запятнанной оранжевым. Мы остановились перед мостом, под которым дорогу покрыла глубокая и красная лесная вода. С насыпи спускались два человека. Один из них, в очках, одетый в бледно-малиновый джинсовый костюм, с хвостиком седых волос, сказал нам: «Что, страшно? Берите понтон, и на вёслах». Люди скрылись за очередным забором, и вскоре залажали невидимые собаки. По мосту тяжело пошёл состав, ведомый спаренным старым тепловозом. Во второй секции были покрашены окна кабины. Перенеся коляску с Дашей по шатким доскам через два ручья, мы перебрались через насыпь.

Несколько метров дороги перекрыла решётка. Мы прошли её через дыру, вышли на Яузскую аллею и замкнули ойкумену.

Черусти в июле 2004 года

Давно я не ездил в Арзамас на электричках, и вот поехал.

Такой путь можно совершить двумя главными образами. Один – это сесть в электричку в Москве рано утром и оказаться в Арзамасе вечером после трёх пересадок. Второй – сесть на последнюю электричку до Черустей, переждать там несколько часов, двинуться дальше и оказаться в Арзамасе днём.

Я выбрал ночь на станции Черусти. Это небольшая станция, зато конечная и начальная для многих электропоездов. Поэтому там часто ночуют люди. А раньше здесь меняли локомотивы поезда дальнего следования.

Я сел на металлическое кресло и начал проводить промежуток между последним электропоездом из Москвы и первым электропоездом до Вековки. Вокруг меня спали люди, но мне спать не хотелось. Я стал читать книгу «Правота поэта», купленную в магазине «Пирог». Книгу мне продала моя знакомая, которая работала в этом магазине и собиралась выйти замуж. У меня не хватало на книгу сорока копеек, но она мне всё равно её продала.

Прочитав книгу, я решил покурить и вышел на улицу. Я встал под деревом и стал смотреть на быстро бегущие поезда. Они неярко горели огнями, потому что люди хоть и спали, но готовились к встрече со столицей. Так пробежало два поезда. Дерево надо мной тихо шуршало. Оно называлось конский, или же ложный каштан. Я подумал, что так лопаются плоды и решил посмотреть на них, зайдя к дереву с другой стороны. Было плохо видно, но было видно не павшие плоды, а много белого помёта. Дерево надо мной зашуршало ещё сильнее, и с него сорвалось очень много летучих мышей. Они были похожи на чирикающих больших бабочек. «Чирир», – кричали они и хлопали крыльями о ветки и листья. Потом они снова уселись на дерево и изредка вылетали из него вдогонку за комарами. Комаров было очень много, потому что станция Черусти расположена в болотистой местности.

Рядом со станцией стоял памятник Владимиру Ильичу Ленину, выкрашенный серебристой краской. Он изображал Владимира Ильича Ленина с выставленной вперёд левой ногой и поднятой вверх суровой головой. Правая рука изображённого Владимира Ильича Ленина схватилась за длинное пальто, а левая рука сжимала кепку. Я пошёл внутрь посёлка Черусти и обнаружил возле поселковой администрации ещё один памятник Владимиру Ильичу Ленину. Он был точно таким же, то есть оба памятника Владимиру Ильичу Ленину в посёлке Черусти были одинаковыми. Я вспомнил, что в Арзамасе тоже есть два одинаковых памятника Владимиру Ильичу Ленину. Вдоль автомобильных дорог посёлка лежали глубокие канавы, в которых было очень много красно-коричневой воды, поросшей ряской.

Я вернулся на станцию и поспал немного в металлическом кресле. Когда рассвело, я вышел из вокзала снова, чтобы ожидать прибытия поезда. Под крышей вокзала было несколько ласточкиных гнёзд. Они были круглые с маленькими влётными отверстиями. Из отверстий птенцы по двое высывали маленькие чёрно-белые головы. Их родители приносили им еду и клали её им в рот на лету и по очереди. Мне показалось, что гнёзда сделаны из тёмно-зелёного цемента. Я даже подумал, что их, как скворечники, сделали люди, но их сделали сами ласточки.

Потом прибыл электропоезд, и я поехал до станции Вековка вместе с другими людьми. А ведь раньше на этом маршруте ходили поезда, составленные из старых плацкартных вагонов. Как всё изменилось!

Арзамас в июле 2004 года

Мэра моего родного города Арзамаса, который находится в Нижегородской области России, зовут Мигунов. Он хочет, чтобы Арзамас вошёл в Золотое кольцо России наряду с другими городами. Если это произойдёт, в мой родной город будут приезжать восхищаться много туристов. Туристы привезут с собой много денег, и город станет богатым. Пока же они не приезжают, а только проезжают проездом в село Дивеево.

В Арзамасе раньше было много церквей. Мэр Мигунов решил восстановить и отремонтировать все церкви, которые были раньше. Он приказал тратить на это много денег. Над улицами города поднимаются новые купола и кресты. Купола красят синей краской или оставляют медными. Стены церквей красят в белый цвет. Это должно очень понравиться туристам. Мэр Мигунов решил, что Арзамас должен войти в Золотое кольцо России как можно скорее. Поэтому все работы по обустройству дорог временно отложены и автобусы давно не ремонтировались и не красились. Они часто останавливаются прямо посередине улицы, потому что у них больше нет сил. Но это не самое главное, а главное – возрождение нашей духовности. Иностранные туристы не будут ездить на наших автобусах, потому что приедут на своих. А российские туристы придут пешком, потому что они паломники и их не страшат трудности. Зато город будет очень красивым и духовным, как прежде.

Ещё в городе будет резиденция митрополита области, которого зовут Георгий. Он будет жить в доме, который называется Бессоновых. Раньше он был очень старым и в нём жили Бессоновы. Однажды в нём останавливался великий поэт Александр Сергеевич Пушкин. Правда, иногда этот дом называют «весёлым», потому что кроме Бессоновых в нём жили продажные женщины. Потом дом упал, и его разрушили. Но когда приблизился день рождения великого поэта Пушкина, всех охватил творческий порыв, и дом отстроили заново. Все решили, что в нём будет Дом арзамасской творческой интеллигенции. В нашем городе очень много творческой интеллигенции: члены Союза писателей, члены Союза художников и другие члены.

Теперь в доме будет жить митрополит владыка, когда приедет в наш город, потому что духовность важнее. Город ему очень нравится, потому что в нём есть его дом и потому что в нём восстанавливают сразу десять церквей. Столько церквей не восстанавливают одновременно ни в каком другом городе области. Владыка очень радуется и удивляется этому.

Струнино летом и осенью 2006, 2007, 2008 и 2009 годов

101

Во Владимирской области существует город Струнино. Он является частью и пригородом Александрова, в котором мы однажды были. В составе округа Александров находятся также город Карабаново и посёлок Балакирево, в них мы не были ни разу. Москву от Струнина отделяет условный сто один километр пространства.

пути

У станции Струнино Московской железной дороги от двухколейного железнодорожного полотна влево и вправо отходит к платформам по боковой колее: по ним прибывают на станцию пригородные электропоезда. Пассажирские и товарные составы, а также маневровые локомотивы следуют мимо Струнина без остановок по двум центральным путям. По окончании станции четыре пути снова сливаются в два.

пятый октябрь

В городе Струнине не существует хлопчатобумажный комбинат. Он есть и находится, но не действует, и жители Струнина не ходят туда на работу. Комбинат называется «5-й Октябрь» и отделен от остального города длинной угловатой бетонной стеной. Его длинные и четырёхэтажные корпуса из красного кирпича с высокими окнами очень пусты. Отрезок железнодорожного пути, выходящего из ворот комбината недалеко от железнодорожного вокзала и ведущего к высоким навесам, поросшим бурьянам, пересекает автодорогу и давно заасфальтирован. На заржавленных других воротах крупными буквами написано: «The GAME» (наверное, писавший не успел дописать «is over»). Перед центральной проходной на обшарпанном постаменте стоит чёрный памятник молодому мускулисту человеку. Он протягивает небу чёрный и первый искусственный спутник Земли.

памятники

Кроме памятника мускулисту молодому человеку соспутником в Струнине расположены ещё по меньшей мере шесть скульптур: золотая скульптура ткачихи с красиво свисающим с рук отрезом полотна; серебряная парная скульптура ткачихи и молодого специалиста; два выкрашенных в чёрный памятника Ленину, причем один смирен, а второй протягивает руку к комбинату «5-й Октябрь»; а также два монумента, посвящённых Великой Отечественной войне. Все они по-своему красивы и красивы по-своему.

липы

Я шёл по Струнину, чтобы сесть на электропоезд до Москвы. Перед комбинатом «5-й Октябрь» я перешёл через перегороженную дамбой, то есть запруженную реку, названия которой пока не знаю. Справа внизу шумела вода и цвели кувшинки. Напротив проходной комбината стояла пустая и потемневшая от дождей доска почёта. Под ней, в прибрежных зарослях, виднелся зад рыбака. Рыбак нагнулся и упёрся руками в колени. В сквере, через который идёт дорога, цвели липы. Я заметил, что один из длинных красных корпусов хлопчатобумажного комбината наполовину покрыт новым блестящим железом. На самом верху, на коньке, сидело и каркало множество ворон. На другой половине, покрытой старым железом, птиц было значительно меньше. Липы пахли.

сиеста

В Струнине было жарко, и на скамье автобусной остановки от пьянства спал мужчина. Вокруг него играли дети, зависая на стойках навеса. На состоящей из шифера крыше остановки лежал красный пакет из целлофана. Это яркое пятно упорядочивало композицию. Чуть далее, на прилавке киоска печати, дремали две кошки: полосатая и чёрно-белая. Напротив, в траве и под деревом, лежал ещё один мужчина. Я уже однажды видел его у продуктового магазина: у него борода и удивительно детский взгляд. Он всегда молчит.

экстрим

Два мальчика взбирались на горку мимо стены комбината «5-й Октябрь» и высоких деревьев, везя велосипеды по асфальту и редким сухим листьям. Дойдя до поворота стены, они развернулись и приготовились.

– Пусть машина проедет. А то – впечатаемся, – уверенно сказал один мальчик.

По дороге, внизу, мимо доски почёта проехал легковой автомобиль.

– Экстрим, короче, – сказал второй мальчик.

– Экстрим, на хуй, – уточнил первый мальчик.

И они покатались вниз в сторону дороги, которая была пуста. Со стороны их движение казалось медленным, хотя и становилось постепенно быстрее.

дорога

К стоявшему на станции Струнино электропоезду бежали две девушки, размахивая большими молочными железами. «Не успеете!» – сказала им, поздоровавшись, сошедшая с поезда их знакомая. Дети залезли на дерево и рвали его плоды. Несовершеннолетний в кустах испражнялся, нагнувшись. У пустого бревенчатого здания, когда-то горевшего, стояла пожарная машина; из здания издавался дым. Пожарное депо с раскрытыми настежь воротами находилось неподалёку. На пустой скамье лежали на расстоянии друг от друга два чистых яблока. Полунагой мужчина смотрел на женщину с коляской, находившихся под чёрным памятником Ленину; он качнулся, сдал назад и стал держаться за дерево. Некоторые струнинцы пили пиво в зеленом шатре. В стоящей мокрой реке торчали сухие бутылочные горла. На перекрёстке сидели на корточках два южных мужчины, а один стоял. «Что вы мне дадите?» – поинтересовался у продавщицы милиционер в чине майора; ему дали на заднее сиденье УАЗа пустых картонных коробок. Магазин «Планета низких цен» объявлял: «Мы открылись». Ребята играли в футбол на запущенном поле. Юноша вёз обои в раме велосипеда. Три мальчика тряслись от скорости на неподвижном коричневом мотоцикле с коляской. Дорога от станции до дома была продолжительной и мне очень понравилась.

российские руки

В электропоездах «Москва-Александров» часто выступают самодельные исполнители. Они поют песни и играют на различных музыкальных инструментах. Например, я запомнил пожилого мужчину, представлявшего пассажирам собственные патриотические сочинения. Он был в бороде и ссадинах. Мне очень понравились следующие его строчки: «Похоронный сургуч на конверте на моей замешали крови», «Флаги наши трёхцветны, горды, победны» и «Родина наша нам счастье даёт». Завершая программу, он спел о чём-то, что находится «в наших российских руках», только я забыл, о чём. Даше, которая ехала на дачу, тоже понравилось выступление мужчины, она сказала: «Дядя поёт песенку». В другой раз в вагон вошли два молодых человека, и один из них сообщил прогноз погоды по области: «Пятнадцать-семнадцать градусов», – а потом пошутил: «Нашему некоммерческому партнёрству требуются три девушки не старше девяности девяти лет. Обращаться в отдел кадров». Наконец он запел жалобную песню, а его товарищ сопровождал её суровой игрой

на гитаре: «Подходите, пожалейте, сироту меня согрейте, посмотрите, ноги мои босы». Потом певец начал песню про московские изогнутые улицы, но появились контролёры; песня сошла на проигрыш посреди куплета, контролёры миновали, и слово продолжилось с паузы. Пошутив ещё несколько шуток, этот невысокий и кудрявый молодой человек поблагодарил пассажиров за их внимание и сказал: «На этом экипаж нашего авиалайнера прощается с вами!» Он прошёл со своим молчаливым спутником мимо меня, обутый в кроссовки.

весна

В городе Струнине есть улица Заречная, состоящая из полуразрушенных, разрушенных и ещё неразрушенных домов, а также из клёнов, стадиона, футбольного поля, гранд-центра «Европа», где происходят показы стриптиза, бара «Лунный», водопроводных колонок, двух агентств недвижимости, нотариальной конторы и нескольких магазинов. Один из них продуктовый и называется «Весна на Заречной». Он стоит там круглый год.

кольца

В городе Струнине есть огороженная территория, где производят авторемонт и стоят микроавтобусы «Газель» с надписью «Город Струнино» на капоте. Рядом с микроавтобусами стоит собачья будка, крыша которой украшена двумя кольцами, какие ставят на свадебных машинах. Наверное, здесь заключают собачьи браки и гуляют собачьи свадьбы.

волосы

В городе Струнине, как и во многих других городах нашей страны, скупают волосы дороже всех. Кроме волос в тех же самых объявлениях на столбах и стенах домов обещают купить дороже всех часы в жёлтых корпусах. Между вещами иногда возникают такие неприличные и необъяснимые связи.

контролёры

Я и два контролёра переходили пути на станции Струнино. Один был молодым и высоким, а второй – пожилым, с седыми бакенбардами и чёрными бровями. Я видел их не раз в электропоездах, следующих в Александров и из Александрова. У молодого уже была открыта банка чая «Липтон», у пожилого ещё нет. Как только они добрались до противоположной стороны, я услышал, как и он открыл свою банку. «Я говорю, с последнего вагона надо начинать», – сказал молодой контролёр, и они пошли вдоль по платформе.

йети

В городе Струнине существует магазин «Новый», принадлежащий ООО «Декабрь». Магазин, действительно, построен недавно. Возле него устроен небольшой фонтан, а подступы выложены плиткой, в которую встроены большие каменные ступни, шагающие ко входу. На левых ступнях написано «Yeti», на правых – «Black Foot». Наверное, эти существа ходят парой, поднимая или связывая оставшиеся ноги. Правда, лично я их ни разу не видел.

лунный

В городе Струнине существует кафе-бар «Лунный». Перед ним на большом, покрытом извёсткой пне укреплен его рекламная афиша: «Точка опоры здесь!» Буквы начертаны так, что слова будто наклонены вперёд, а под ними нарисована трапеция, изображающая прямоугольник в перспективе. Я видел этот стенд много раз, прежде чем понял, что он имеет исключительно практическую функцию, а слова выражают буквальный смысл. Они написаны так, что будут параллельны телу человека, утруждённого алкоголем и упёршегося в этот лист металла двумя руками.

мир

Нам сказали, что недалеко от нашей дачи есть пруд, в котором можно купаться, и мы пошли его искать. Проходящая девочка показала тропинку, ведущую в садоводство, но мы ей не поверили, а поверили местному жителю, который стоял на крыльце и показал нам то же самое направление. Девочка стояла на дороге и смотрела, как мы возвращаемся мимо неё. Мы вошли в садоводство мимо запущенного водоёма. Снаружи было жарко от июля и простора. Здесь же было тенисто и сложно. Дорога вела мимо заборов, сделанных из цветущих зарослей и вертикальных деревянных прутьев, укрепленных колючей проволокой. За ними росли ели, липы, можжевельники, берёзы, плодовые деревья, ягодные культуры, а также цветы разных цветов. Деревьев было очень много, я никогда не видел столько деревьев в садоводческих товариществах. Мы вошли в калитку и очутились в коллективном саду «Мир». Местность не изменилась и продолжала быть сильно пересечённой. Дорожки и тропинки размножились, сужались, сворачивали, спускались, изгибались, поднимались, расширялись, упирались в заборы. Мы заблудились, потому что не знали, куда идти, и возвращались на одни и те же места. Вокруг в беседках с помощью бесед, пищи и напитков люди праздновали выходной день. Вдруг сады кончились возвышенным полем. Ксения устала заблуждаться и решила вернуться на дачу. Я продолжил путь среди полевых растений. Пруд находился на границе садов и соснового леса. В нём купались дети.

книжный

В городе Струнине есть книжный магазин. В нём продаются семена, письменные принадлежности, игрушки и книги. Многие из них изданы в конце восьмидесятых годов и в начале девяностых. Это произведения и сборники произведений зарубежных и отечественных авторов, таких как Марио Варгас Льюса, Андрей Белый, Алексей Ремизов, Константин Бальмонт, Борис Зайцев, Адольф де Кюстин. Здесь же можно найти тонкие детские книжки с очень красивыми иллюстрациями. Все эти издания стоят очень дешево. Книги выложены на прилавки, стоят на полках, свалены на полу. Как интересно копаться в этих небольших залежах! Наверное, все эти книги, среди которых попадаются и хорошие, попали в Струнино по распределению в строго определённом количестве. Но в городе не оказалось нужного числа людей, интересующихся прозой и поэзией, и книги превратились в нераспроданные остатки. В магазин ведёт деревянно-стеклянная дверь, украшенная поперечными деревянными планками. Такие двери раньше были во многих книжных магазинах.

раунд

В магазине «Новый» на улице Дзержинского города Струнина имеется в продаже водка «Раунд». Наверное, когда в телевизионных новостях говорят о завершении очередного раунда переговоров, струнинцы ясно понимают, о чём идёт речь.

ассортимент

В магазинах города Струнина продаётся много замечательных товаров. Например, в магазине в начале Заречной улицы предлагают консервированный горох со свиной «Семейная трапеза», в «Торговом центре на горе у аптеки» можно купить средство для собак «Секс-барьер», а ООО «Дубки» торгует закуской «Атаманская». Наверное, её закусывают водку «Раунд».

платформа

Перед зелёными воротами зелёного дома стояли чёрно-белая корова и чёрно-белый бычок. Шёл дождь, и животные мокли. Им никто не отворалял. Иногда корова мычала.

Дождь лил ровно. Из дома никто не появлялся. Корова с бычком несколько раз отходили было, но тут же снова поворачивались к воротам. Они вытягивали шеи и подносили носы к калитке, как будто проверяя на запах, правильно ли они пришли. Шёл дождь. Животные стояли и стояли. Иногда корова мычала. Вскоре пришёл поезд.

адреса

На многих частных домах города Струнина висят таблички, в которых указано название улицы, номер дома и фамилия его владельца. Все таблички разные и красивые, их можно разглядывать и сравнивать, а информация сообщается с помощью шрифтов, которые очень красивы.

островок

В городе Струнине почти все продовольственные магазины – социально-значимые. Это сообщается на их вывесках крупными буквами. Наверное, это помогает жителям города делать правильный выбор и разумно тратить свои средства. Кроме того, один и без того социально-значимый магазин оснащён дополнительной социально-значимой функцией. За стеклом его витрины находится оповещающая табличка:

*Островок безопасности. Пункт экстренной связи
«Гражданин – милиция».*

На том же доме, с торца, висят афиши бюро ритуальных услуг и муниципального предприятия «Фобос». Страшно даже подумать, чем оно занимается.

пустырь

Мы гуляли по Струнину и очутились на огромном пустыре, окружённом пятиэтажными домами. Пространство поросло колючими и неколючими травами в человеческий рост, одиночными кустами шиповника с крупными плодами, пижмой и другими цветами. Пустырь пересекала тропа, выводящая к скульптурам из серого железобетона, позеленевшего от времени. Скульптуры были гладкими, большими и сказочными. Две лошади стояли без крупов с накрашенными губами и красными глазами. Два металлических прута в виде буквы V торчали из плеч богатыря вместо головы. Сидел спешившийся всадник, к которому наклонил голову длинный и высокий конь. Возвышался замок со многими башенками и узкой лестницей, под сводом которой лежал круглый цветной коврик и смятая пластиковая бутылка из-под пива: тёмная. В песочницу была врыта рыба-кит, а небольшая детская горка также была железобетонной. Некоторые статуи были скрыты высокой травой, они уже как будто приноровились к мокрому неопрятному пейзажу. У скульптур были текущие формы, напоминавшие работы архитектора Гауди. Существование этих фигур показалось нам очень неожиданным и очень красивым.

кустарник

В городе Струнине есть улица, где перед частными домами стоят заборы из сетки Рабица, а перед заборами растёт длинный ряд кустарника. Он невысок, состоит из плотно растущих вверх тонких и прочных веток и прерывается только на дорожки, ведущие к калиткам. Мы пока не знаем названия этого кустарника, который растёт в Струнине повсеместно, но такое нехитрое украшение улицы нам очень нравится.

ещё пустырь

В городе Струнине много различных пустырей. Например, на задах улицы Заречной, там, где проходит граница между пятиэтажными многоквартирными и частными одноэтажными домами, он большой и неприглядный. На нём находится трансформаторная будка,

лишённая части кирпичей, как будто её кто-то погрыз, а неподалёку из земли, поросшей сорными растениями, двумя стаями торчат бетонные сваи неполучившихся зданий. Вокруг стоят населённые дома, и пустырь придаёт местности безнадёжный вид.

полигон, родник

Перед домом в городе Струнине, который является нашей дачей, расположена большая поляна, украшенная липами. Она окружена частными домами, а в её середине находится водопроводная колонка. Однажды утром я отправился к ней, чтобы запасти воды на предстоящий день. У колонки стоял пожилой мужчина, он набирал воду в два ведра. К нему подошёл по тропинке другой, лысый и выдающийся, мужчина в очках с крупными стёклами и с рюкзаком. Он поздоровался с набиравшим воду как со знакомым и завёл разговор о грибах: «Мелкие, во. В Запретке. Там же сейчас полигона нет. Полтора ведра набрал». Так я определил, что где-то в струнинских окрестностях функционировал объявленный запретной зоной полигон, вероятнее всего, военный, и что это – грибное место. Кроме того, из дальнейших слов грибника я узнал о существовании недалеко от города Струнина родника. Родник находится «там, в березняке», выдающийся мужчина как раз туда направлялся. Так я совершенно случайно стал обладателем несколько ценных топографических сведений.

основы

Этим летом в электрических поездах маршрута «Москва-Александров» пассажирам часто объявляли рекламное объявление. Свято-Пантелеймоновское училище женским голосом приглашало православных христиан обучиться специальности «медицинская сестра». Обучение, предупреждало, платное, иногородним, обещало, предоставляется общежитие, необходимо, обуславливало, среднее образование и рекомендация священника, два года, продолжало, десять месяцев, кроме общих специальностей преподаются духовные, добавляло, основы милосердия, вышивание и хоровое пение, выдаётся, обращало внимание, диплом государственного образца. «Наверное, хоровое пение помогает медицинским сёстрам сохранять присутствие духа», – думал я, слыша это объявление в очередной раз.

жопа

В вагоне электропоезда «Москва-Александров», полном пассажиров, возник спор из-за места.

- Вам документы показать? – сказал мужчина.
- Я вам сама покажу, – сказала женщина.
- Вызывайте контролёров! – сказал мужчина.
- Жопа что ли у вас большая? – сказала женщина.
- Я сам сейчас вызову контролёров. Ладно бы ещё до конца ехали! – сказал мужчина.
- А поездите вот так на работу! – сказала женщина.
- Это место занято. Я больше разговаривать не буду, – сказал мужчина.
- Чем оно занято? – сказала женщина.
- Мною! – сказал мужчина.
- Уважаемые пассажиры! Будьте взаимно вежливы друг к другу, – сказал записанный на плёнку женский голос.

Стало тихо, и поезд отправился в путь.

настурции

Под окнами кухни дома в городе Струнине, который является нашей дачей, растут настурции. Дождевая вода, когда идёт дождь, сжимается на её листьях в прозрачные подвиж-

ные капли изменчивой формы. Капли скатываются с верхних листьев на нижние, а потом на землю, как по горке. Мне очень нравится наблюдать за этими путешествиями.

лёгкая атлетика

Перед прибытием электропоезда из Москвы перед вокзалом города Струнина выстраивается ряд автомобилей такси и два городских автобуса, «Газель» и ПАЗ. Автобусы стоят наготове с открытыми дверями, а возле частного легкового автотранспорта в ожидании разговаривают водители. Прибывший электропоезд открывает двери, и многочисленные пассажиры начинают быстро бежать с высокого старта, держа сумки на весу на вытянутых вперёд руках. Основной город находится в стороне от станции, а транспортные средства обладают ограниченным количеством мест, поэтому скорость бегущих не зависит от их возраста. Это зрелище особенно красиво в темноте, когда молчаливые тени проносятся мимо и превращаются на свету в разноцветных говорливых людей.

осень

Вскопав землю на приусадебном участке, я отправляюсь на станцию. В Струнине стоит просторный сентябрь. В деревьях щебечут птицы, готовясь к югу. Кусты у церкви возле станции зелёные снизу, а сверху все жёлтые. Переход цветов внезапен, как будто кустарник охватило неподвижное пламя. Поезд из Москвы отражает далёкое солнце и приближается, раздавая окружающей местности сигналы. Пожилой и подвижный мужичок спрашивает в магазине, что у меня за цветы. Я не знаю про эти цветы ничего, кроме того, что они красивы. «У меня такие же, но только набухли, – радуется мужичок. – Но я забыл, как они называются». Он спрашивает имя цветов у продавщицы, продавщица не знает тоже. «Мне мою любимую, – говорит он. – И „Приму“ за четыре пятьдесят». Он получает своё очень дешёвое вино и сигареты, он счастлив, он удаляется по платформе, покачивая бёдрами, как женщина, впереди него заходит солнце и освещает Струнино и окрестности Струнина. Ещё тепло, но небо уже прохладно. Прозрачный воздух делает разноцветные пятна мира ярче, и всё так красиво. В лесных прогалинах прячутся дачные домики, загораживаясь молодыми деревьями. Это поезд уже едет по своей железной дороге.

вмф

В городе Струнино Владимирской области, в тени деревьев у монумента в честь победы советского народа в Великой Отечественной войны над фашистской Германией десять человек в тельняшках праздновали День военно-морского флота. Они смотрели по сторонам, негромко смеялись, пили водку и смотрели по сторонам под круглым золотым барельефом с профилем солдата в каске. Рядом с праздником были закреплены два флага: бело-сине-красный и андреевский. Было жаркое сухопутное воскресенье; жители шли на рынок и с рынка. Вскоре по центральным улицам город ездили легковой автомобиль и микроавтобус маршрутного такси, а флагов было три. На верхнем багажнике легкового автомобиля развевался Андреевский, а из правого окна – бело-сине-красный. Ещё один андреевский высунули из правого окна микроавтобуса; в правом держали на весу чёрную бескозырку. Бывшие матросы пересекали родной город в разных направлениях молча, полные гордости за моря и корабли.

доброход

В продуктовом магазине «Доброход» видно в складской глубине прежнее оформление: «Брюки шерстяные. Брюки хлопчато-бумажные». «Мне одну сосисину, – говорит женщина. – Вот эту, тураковскую». «С сыром или с печенью?», – уточняет продавщица. «Да всё равно. Мне кошке», – отвечает женщина. Когда мы выходим, кошка сидит на бетонном

крыльце перед мокрым местом. Она белая и облезла от лопаток к голове до красной кожи; болеет.

мороженое

Юноша переступил через белую теплотрубу, а женщина на неё села. «Коль, вынь мороженое. Оно уже растаяло, наверное», – говорит она, переваливая налево тяжёлые ноги, поднимая к животу сумку. Юноша подходит к старику, сидящему на врытой в землю крышке, и молчит. «Коль, вынь мороженое, – говорит женщина, подходя. – Оно там, в пакете, растаяло уже, наверное».

ожог

Мальчики подбежали, обступили подъехавшего на красивом велосипеде мальчика из другого двора. Он был младше большинства из них, на нём была бейсболка. Они хотели показать ему карты и показывали ему чёрные карты, отсчитывая своё богатство веером. «А у тебя такая есть? – спрашивал у приехавшего мальчик с упитанными щеками и в коричневых резиновых сапогах. – Карен, а у тебя вот эта есть? А давай меняться!» Мальчик на велосипеде молчал, но потом сказал: «Вали отсюда, а?» – и стал выезжать из группы. «А покажи, какие у тебя есть?» – спрашивал щекастый мальчик. «Вали отсюда, а? Вали отсюда, а? – продолжал валить велосипедист. – Вали отсюда, а?» За ним увязался самый младший мальчик, которому уже в другом дворе повторяли: «Вали отсюда, а?» «А у тебя такая карта есть – «Ожог?» – крикнул мальчик с щеками и в резиновых сапогах. Не дождав-шись ответа, он сказал мальчику с русыми от солнца волосами: «У меня таких карт двадцать». «А у меня в деревне их двести», – отвечал тот, посмотрев глазами внутри себя. «Нет у тебя двести», – ответил полный мальчик. И они присоединились к другим мальчикам, сидевшим на белой трубе и стоявшим возле неё.

подарки

На стадионе, на трибуне, разложенной из тёмно-серых тёплых бетонных плит, сидели две девушки и пили кока-колу. «А на двадцать третье февраля или на день рождения она ему записную книжку такую подарила, – сообщала одна из них. – С обложкой такой, с ручкой. Очень красивую такую. Я увидела такая и говорю: «Лена, бросай Сашу, встречайся со мной. Я тоже хочу такие подарки получать». А Таня такая говорит: «Нет, Лен, со мной». «Маши! Машеньки!» – звала женщина двух девочек с косами, бегавших вприпрыжку по футбольному полю. Рядом с ней находился мальчик.

город

Лучший вид на город Струнино открывается, когда уезжаешь из него летним вечером и переходишь через железнодорожные пути по пешеходном мосту. Можно постоять на нём, встав лицом к Александрову: налево будет дополнительная часть города с небольшими домами, направо – основная, с неработающим и пустым огромным текстильным комбинатом «5-й Октябрь», зарастающим растениями. Можно посмотреть на рельсы, пересекающие впереди лес, который кажется бесконечным, но который заканчивается через несколько километров другим городом. Можно развернуться и посмотреть в другую сторону: виден рас-сечённый рельсами лес, который кажется ещё более простран-ным, но там через несколько городов Москва; справа виднеется покато-е поле с дачами. В самом городе есть огорожен-ные плотным кустарником дома с садами, полуразрушен-ные здания, красивые в замысле, скульптуры, социально-значимые и обычные магазины, пруд между фабрикой и жилыми районами, сделанный из тоскливой реки, полужаросший стадион, а также несколько стома-

тологических кабинетов и агентств недвижимости. Красота встречается здесь редко, случайно и неожиданно.

Свинушки и Заречный в июне 2007 года

Деревня Свинушки находится через дорогу от посёлка Заречный, а оба населённых пункта – недалеко от города Скопина в Рязанской области. Посёлок назван так потому, что находится по отношению к Скопину за рекой Вёрдой, насчёт Свинушек утверждают, что сюда Иван Грозный ездил собирать грибы. Предположение абсурдное (двести пятьдесят километров от Москвы), его можно объяснить только свойством провинции определять себя не как самодостаточное место, а через отношение к большему.

Это определение, асимметричный ответ на окружающую незначительность и неустроенность, – постоянный фон разговоров с приезжими. Здешний стадион «Машиностроитель» – «чуть ли не лучший в области, трава очень хорошая» (стадион состоит из небольшого поля и пары трибун с одной стороны; говорят, раньше для красоты у стадиона стоял самолёт, но потом его «разрезали на металл»). В Скопине родился маршал Бирюзов, «а маршалов Советского Союза всего было семь или восемь». Расположенный за Вёрдой Дмитриево-Рязский монастырь – «древний-древний, о нём даже в твоём интернете есть». Монастырь действительно древний, но информацию о нём я в сети нашёл минимальную; он считается памятником Куликовской битве («говорят, что тут и было Куликово Поле», разумеется): здесь будто бы побывал перед ней Дмитрий Донской, а долгое время в монастыре хранился посох («костыль») Пересвета ([битая ссылка] «Он сделан из довольно толстой яблоневого поросли, вырванной с корнем; верхушка его, в виде буквы Т, образовалась из отраслей корня. В прежнее время богомольцы отгрызли от него частицы, как предохранительное средство от зубной боли, отчего верхушка костыля сильно попорчена»). Рассказав про древность, тут же добавляют: «Но, между нами говоря, это не монастырь, а публичный дом; бандиты из Ленинграда и Москвы едут». Эта гордость и эта зависть странны: монастырь не играет в жизни этих людей никакой роли – кроме того, что висит над Свинушками и болотистыми лугами, организуя пространство. Наконец, расположенный неподалёку Скопинский автоагрегатный завод делает амортизаторы «для всех» (то есть для всех автопроизводителей).

На этом заводе работает дядя Миша, муж моей двоюродной тётки. Он с женой вернулся на родину из Петропавловска-Камчатского, где ремонтировал подводные лодки. Мы отправились с ним за продуктами, и заодно он с пояснениями показал мне посёлок. Начал с завода горно-шахтного оборудования. Завод (как и выросший вокруг него Заречный) появился, когда усиленно осваивали Подмосковский угольный бассейн, а сейчас он похож на закрытый за ненадобностью. Но у него есть даже [битая ссылка] сайт, из которого ясно, что шахтные конвейеры и «перегрузатели скребковые» производят до сих пор. Один из конвейеров («комбайн», как его здесь называют), выкрашенный в жёлтый цвет, лежит на постаменте перед проходной. За ним дорожка, ведущая через заросли мимо гигантского, но постепенно скрываемого растениями Ленина, стоящего на белом пьедестале и большой синей детали.

Вышли к рынку – двум пустым металлическим навесам. Рядом работал магазин. Купив рязанского пива, мы пошли в парк с огромными деревьями. Было видно, что когда-то о нем заботились, но потом перестали. Уселись на остаток дворовой карусели, сверху из тяжёлых гнёзд кричали грачи. Дядя Миша рассказывал о том, как он пересекал экватор и как ловят рыбу в камчатских реках. «Придём, я тебе поставлю фильм про Камчатку, – пообещал он. – Я когда его смотрю, плачу». Кто-то пошевелился в высоких растениях. Я разглядел в зелени грачонка с моргающим, но ничего не выражающим глазом. Птица лежала на земле и коричневой бутылке. «Тут их много, – объяснил дядя Миша. – Летать учатся, а не у всех получается». Осмотревшись, я увидел несколько небольших мёртвых чёрных тел, скрытых зелёными стеблями и листьями. Потом мы ходили по пустым улицам с двухэтажными домами,

которые держались из последних сил. Штукатурка на них отстала как от запущенной кожной болезни. Зашумели тополя.

В субботу в Заречном был базарный день. Прилавки под навесами примерно на треть заполнились товарами и продавцами («со всего района приезжают»). Было начало июня, торговали капустной и помидорной рассадой, семенами, яйцами, молоком, дешёвыми сарафанами и тапками из мешка. Ассортимент был обусловлен платёжеспособным населением: старухами. У трёх продавцов было мясо. Один, большой и здоровый, лет тридцати, был одет в камуфляжную форму и доставал мясо из новой «десятки» вместе с крепкой красивой женой, украшенной золотыми серьгами. Среди остальных торговцев он выглядел неожиданно живо и предприимчиво.

В один из дней, проведённых там, я сидел на автобусной остановке, ждал маршрутки до Скопина и смотрел на абсолютно пустую рыночную площадь. На остановке играли дети, но ушли и они. На площади никого не было и ничего не происходило, за ней высился парк с мёртвыми грачами. Проехала машина. Через некоторое время вторая.

Скопин в июне 2007 года

В городе Скопине Рязанской области я провёл вечер, гуляя и фотографируя. Здесь родились маршал Сергей Бирюзов и композитор Анатолий Новиков, учился в школе Владислав Сурков, жил и работал маньяк Виктор Мохов.

В старом городе чрезвычайно широкие ровные улицы; автомобили проезжают по ним нечасто, но очень быстро. Общественные дореволюционные здания отреставрированы и выкрашены в ядовитые и некрепкие синтетические цвета. Вдоль улицы, ведущей к вокзалам, стоят облупленные бежевые одно- и двухэтажные дома, которые выглядят так, как если бы их строил сосланный в советскую глушь палладианец: высокие фронтоны, колонны, арки. До любого моря от Скопина три года скачи – не доскачешь, тем не менее здесь стоит памятник «Слава морякам-освободителям»: в 1941 году город, ненадолго занятый немцами, освобождали действительно моряки. Фантастичен и Вечный огонь, автор которого равнялся то ли на Пикассо, то ли на Филонова.

В местном музее шла выставка «Отчего так в России берёзы шумят...» Видел магазины «Дамское счастье» и «Русский крепёж» (слоган: «Скрепим мир»). На окне одной из лавок, за диагональной лучистой решёткой, висел белый лист А4: «Познакомьтесь! В продаже – двери». «Лебедь постригся! Постригся Лебедь! Лебедь, как теперь летать будешь?» – спросил, переезжая через дорогу, редкий велосипедист у редкого прохожего. На здании стройорганизации тянулся выцветший лозунг «Знамя мира – (профиль Ленина) – знамя социализма»; уравнение со всеми неизвестными.

Автовокзал, облицованный пластиком, и изумрудный железнодорожный стоят напротив друг друга. Я провёл возле них около двух часов, не видел ни поездов, ни автобусов. По боковой ветке раз или два в день приезжает пригородный поезд, но мне показалось, что железная дорога здесь проложена или ради красоты, или потому что так положено. Автостанция по вечерам закрыта; к концу дня в темноте приезжает автобус из Москвы. На рекламной тумбе у автовокзала прочитал объявление: «Ремонт, покупка, продажа, обмен сломанных, утопленных, закодированных б/у сотовых телефонов».

На следующий утро был базарный день; пустынные скопинские улицы населились людьми.

Ленино в июле 2007 года

Степные крымские посёлки выглядят издали серо-зелёными пыльными пятнами на ровной сухой поверхности, внутри же скрывают прохладу, а также благоустройство и чистоту, которым могли бы позавидовать посёлки российские. По крайней мере, таково Ленино, с которым меня связывает так много, что это место для меня и есть настоящая родина.

Раньше место называлось Семи Колодезями; станция называется так до сих пор. Посёлок состоит из тихих улиц, на которых растёт шелковица и вишня, алыча и грецкие орехи. От станции к центральной площади со зданием администрации ведёт проспект Ленина: на всём проспекте один жилой пятиэтажный дом, вход на рынок, пять-шесть магазинов – остальное деревья. Дойдёшь до центральной площади с администрацией, судом, домом культуры – пахнет длинноиглой средиземноморской сосной, оплетают фонари выющиеся растения. Тишину заполняют упругими звуками горлицы. Дальше, в конце, то есть в начале улиц Пушкина, зияет универмаг «Весна», внутри него не осталось ничего из того, что я знал когда-то наизусть. Растения остались прежними, а жизнь людей изменилась.

После обеда, когда закрывается рынок, в посёлке не происходит практически ничего. Ночью небо заполняют звёзды, млечный путь мерцает рядом с балконом. Когда мы уезжали, на перроне сидели чёрные сверчки и никуда не спешили.

Щёлкино в июле 2007 года

Любой город представляет собой сочетание надежд, уже не сбывшихся, и планов, которые сбудутся, а чаще не сбудутся в скором времени. На центральных улицах, предназначенных для прогулок, разрастаются рынки; образцовые площади зарастают наружной рекламой; стадион, существующий сейчас и проецируемый в будущее, зарастает небоскрёбами; улица, продолжающаяся удивительной перспективой, становится безвыходным тупиком, начинающим с другой стороны новую перспективу; в пустующие дома культуры завозят на пару дней меха, трикотаж и медицинские приборы; из здания, предназначенного для областной гостиницы, делают больницу, потому что областной центр разжалован в районные; жилые дома превращаются в конгломераты частных гостиниц; рынки обрастают магазинами, а потом переезжают, оставляя пустоту.

Щёлкино – яркий, очень яркий пример такого разновекторного развития.

Город, названный в честь физика-ядерщика, был поставлен в степи между Азовским морем и солёным Акташским озером для жизни строителей и работников Крымской АЭС. Атомную станцию не достроили, город остался и долгое время практически пустовал: никаких промышленных предприятий тут нет – это, можно сказать, спальный район без обеспечения. Зимой здесь до сих пор малоллюдно, потому что делать здесь именно что нечего. В середине девяностых летом Щёлкино наполняла молодёжь, приезжавшая на «Казантип», фестиваль, который устраивали в пустующей станции. Сейчас многоэтажки превратились в детский курорт с очень коротким сезоном. Много квартир куплено жителями других городов (преимущественно москвичами), чтобы было куда приезжать, когда прогреется море: ещё лет пять назад жильё здесь не стоило почти ничего. Центр города, в котором нет улиц, а есть только номера домов, – в рынке, куда смещены и практически все магазины. На окраине стоит комплекс из бывших магазинов и службы быта – его построили тогда, когда и весь город; это неприлично сохранившийся археологический памятник концу восьмидесятых – такие здания приводят меня в грустный восторг, это приметы детства. Два здания заброшены совсем и разноцветны от времени, третье превращено в церковь «Свидетелей Иеговы» и разноцветно от людей. Непредставимый в начале существования города и обязательный теперь православный храм находится в небольшой и обычной белой хате при въезде в Щёлкино. На почте, украшенной нарисованными на бетонных выступах марками с видами столиц союзных республик и бронзовым узором со звёздами, серпом и молотом и картой Крымской АССР, получают гривневую пенсию и посылки компаний, занимающихся прямыми продажами. Сияет чешский луна-парк с украинскими надписями, к морю ведёт аллея с кафе и сувенирными лотками. Но сбудется ли всё это через год? Через пять лет?

По вечерам здесь комары с очень болезненными хоботками; когда я фиксировал темнеющий вечер, в кадре проявлялось возле объектива десятка с два насекомых. Много декларативного сочетания голубого и жёлтого: власть помечает территорию даже спасательным постом и двуцветными квадратиками на мусорных баках. В кафе «Ветерок», в самом конце набережной, налево, вкусные чебуреки – с мясом, картошкой, сыром.

Ильичёвка в июле 2007 года

После колючего кладбища, где между оград ходила индейка с индюшатами, мыли у тёти Любы руки с мылом, как надо после встречи с мёртвыми. На заборе вместе с номером дома висела табличка с лестницей: при пожаре тётя Люба должна, как распределили, спешить с лестницей под мышкой к месту происшествия.

Когда-то мне было пять лет и я поджигал спички у сена на дворе дедушкиного дома. Сено загорелось, я стал тушить его сеном, прибежал к спящей маме, рассказал об огне и тут же уснул сам. Когда проснулся, сараи сгорели, все стояли в саже и смотрели на меня. Может быть, в тот день я и стал взрослым. У сына тёти Любы, сухорукого Юрика, где-то была в то время аббревиатура «ЮДПД» – на повязке ли, на значке ли. Он расшифровывал её мне как «Юные детишки, поджигайте домишки». Два года назад избитый до крови Юрик, выросший в наркомана и алкоголика, задохнулся рвотой в Феодосии. Старший сын тёти Любы, здоровый, тоже пьёт и тоже живёт не для работы. Благополучна дочь, уехавшая в Краснодар.

Это была крепкая богатая семья с хозяином-передовиком, вернувшимся с целины с машиной, потом появилась ещё одна, и дом под счастливой фамилией Одариковых был полон. Хозяин умер, бетон, которым залита его могила, пробил овсюг; дерево застеклённой беседки на крыльце превращается в труху; по стенам комнат висят фотографии из хороших времён, а в особенном уголке, где стоит в банке из-под сгущённого молока свечка, висится стопка книг: «Существует ли заботливый творец?», «Секрет семейного счастья», «Самый великий человек, который когда-либо был».

Тёте Любе семьдесят, у неё дрожит голова. Она достаёт альбомы и коробки с фотографиями, говорит, что скоро умрёт, и велит забирать, что нужно, чтобы не пропало. Это снимки счастья, отпечатки того, из чего меня сделали: сильные и молодые чёрно-белые люди сидят над морем с длинногорлыми бутылками; танец на деревенской улице; перекур у мотоцикла; дед в кубанке во Львове, где служил после освобождения из германской неволи; пары, свадьбы, дети, дети детей. «Я», – объясняет тётя Люба полуистлевший снимок годовалой круглоголовой девочки в белых носочках и платье в мелкий узор: фотографию нашли в кармане гимнастёрки её отца, когда его убили в начале войны. Напоследок она показывает коричневый парик, подаренный дочерью и внучкой, надевает его на свои седые кудрявые волосы, и тот сидит как шапка: тётя Люба позирует без улыбки, зная, что это ужасно смешно. Я кладу фотографии в сложенный бланк протокола допроса с применением звукозаписи (откуда он здесь? зачем?): «Изложите подробно все известные Вам обстоятельства».

Они таковы: на пустом пространстве между домом тёти Любы и домом тёти Лиды, между улицей Школьной и Горой, в центре того, что раньше называлось Каракуями, а теперь Ильичёвкой, лежат гладкие и смиренные красно-коричневые коровы. Стадо пригнали на дойку, как пригоняли его мы с братом Сашей и дядей Шурой: у него было три коровы, и поэтому у нас было три дня, которые казались случайными и повторяемыми, а оказались способными заполнить память целиком. Утром мы уводили коров за канал, где они ели солёную бедную степь, нам же нужно было беречь от них зелёную пшеницу. Большеглазые коровы были пугливы. Мы сидели в бричке, смотрели на высушенное бледное небо, на дальнюю пустоту вокруг и вели разговоры. На третий день коровы в середине дня стали тесно собираться вокруг одного места, пригнув головы к земле и мучительно мыча, и к первым присоединились многие. Дядя Шура говорил, что такое случается будто бы там, где когда-то убили корову: живые чувствуют кровь мёртвой. Но на самом деле это было необъяснимо: просто посреди жаркого дня коровы перестали пастись и собрались вокруг точки и стали мычать, а потом перестали мычать и снова стали пастись. Лошадь вот ещё была гнедая, с недавно

родившимся жеребёнком, которого звали Звёздочкой, – по пятнышку на лбу. Однажды дядя Шура был с ней на току, а она сбежала вместе с бричкой, пришла во двор, стала жевать развешанное бельё, и оно стало зелёным от рубленой кормовой кукурузы, которую ей давали вдоволь.

Тюмень в августе 2007 года

На первом этаже Музея изобразительных искусств было отключено электричество. Странно ходить по музею с выключенным светом – видишь картины такими, какие они есть на самом деле, когда их никто не видит. В день, когда я там ходил, была выставка графики Шишкина, и в полусумраке залов было видно, как она бесцветна. Был также небольшой зал с Аргуновым, Рокотовым и Боровиковским, было по одному Айвазовскому, Репину, Кустодиеву, Фальку, но мне больше запомнились второстепенные – Константин Горбатов, «Зимний закат», Станислав Жуковский, «Княжеский дом осенью» (первый умер в бедности Берлине в конце мая 45-го, второй в 44-м в концлагере в Прушкове, вот судьбы). Если за чем и ехать сюда специально – это картины ненца Константина Панкова с чистыми цветами и текучими волнистыми композициями и работы других художников «северного стиля». А ещё здесь целый зал тобольской резьбы по кости: сцены охоты, поезда лаек, олени, есть соцреалистические работы, в которых поражает несколько идиотическое сближение далековатых материала и формы, – я, например, засмотрелся на «Победительницу» Геннадия Кривошеина (известный косторез): вырезанную из кости мамонта фехтовальщицу в бриджах с рапирой, кубком и маской. Странное ощущение видеть часть древнего животного, так вот преобразованную.

Тюмень заметно равняется на Москву. На ювелирном магазине пишут: «Новое поступление бриллиантов». По городу висят объявления «Пропишу несколько человек в своей квартире. Быстро». «Евросеть» тут называется бутиком. А мой брат-тюменчанин показывал ресторан, в котором, утверждал он, в меню не указывают цены, а просто приносят счёт (неважно, так ли это на самом деле, важна уверенность, что да); про соседний же Курган он отзывался так: «У них перед казино (тогда ещё были казино) стоит главный приз, «девятка», – и этим всё было сказано и о Тюмени, и о Кургане. «Столичность» проявляется также в реставрации старого и строительстве нового: деревянные и каменные особняки прошлых веков в центре города заменяются точно такими же, только свежими, а тюменский офис «ЛУКойла», например, – уменьшенная копия московского, только без нефтяной качалки перед входом. Даже цирк тут, как и в Москве, стоит на Цветном бульваре. При всем этом Тюмень кажется гораздо более удобной для жизни, чем Москва, потому что соразмерна человеку. Здесь работают далеко не самые выдающиеся архитекторы, но вот градостроители тут хорошие и удачно вписывают в существующие улицы даже самые скучные сооружения. В жилые районы с деревянными домами с красивыми резными ставнями и наличниками аккуратно вставлены девятиэтажки – по одной-две на небольшой аккуратный квартал (не в каждый) и такой высоты, что они не кажутся высокими. В центре же на углах оставляют старинные особняки, а за ними – новостройки в пять-шесть этажей; или окружают старинный угловой дом полукругом – и то, и то смотрится органично. На улицах очень чисто – и потому что их хорошо убирают, и потому что урны часты как нигде. Правда, воздух в центре города трудный: чадят старые, списанные из Европы автобусы (на них надписи: «Частный» или «Личный») и тяжёлые грузовики со строительными грузами и строительной пылью.

Памятники в Тюмени прекрасны. Стоит человек в высоких сапогах и свитере, он держит пальцами висящую за спиной куртку – простой человек, душа нараспашку, а ведь был большой начальник Рауль-Юрий Эрвье, под его чутким руководством открыли 250 месторождений. Вторая рука его трогает валун, символизирующий недра (недра!). Есть памятник школьникам, не вернувшимся с войны: девушка провожает юношу в солдатской шинели, положив руку ему на грудь. Есть удивительный памятник Победе: серая цементная стена с многофигурным примитивистским барельефом. Родина-мать попирает врага в образе ино-

планетянина с крыльями, в солнце заключены узники концлагерей и мирные граждане, идёт строй солдат с ручными пулемётами и ППП, тут же портреты тюменских героев и героинь в овалах. На улице Коммунистической разбит сквер святителя Филофея, где его, бронзового, слушают изумлённые представители коренных народов и русский охотник с ружьём. И ещё в Тюмени много памятников жертвам репрессий. У Текутьевского кладбища стоит камень с белым крестом и надписью «Покоятся здесь в тишине Обычные граждане – мирные люди, Погибшие не на войне». Рядом стоит стела, посвящённая депортированным калмыкам. А на центральной улице Республики есть камень, на котором написано: «Здесь в 1937—1938 годах проводились массовые расстрелы безвинных. Никогда больше».

В Тюмени, как и в Москве, есть мост для молодожёнов, только гораздо больше. Он ведёт через реку Туру от места, где был основан город, в Зареку. Весь замковый ассортимент хозяйственных магазинов Тюмени скрепляет там брачные союзы граждан: «Любить друг друга будем вечно. Ирина и Антон», «Евгений, Наталья, совет да любовь», «Виталюся и Ленуся. Любовь навеки». Перила моста используются в качестве места для любовных признаний: «Шквал Тимур, я дышу тобой и только. От Марии», «Лёлик! Я тебя обожаю! И безумно люблю! Олик», «Я умею любить, но недолго», «Вздых идёт всё трудней По изорванным нервам Я поверь оценила всю силу любви. Нужно в спину стрелять, если хочешь быть первым – Как же много цинизма в моей грязной крови! Я люблю тебя, ДУРАК!» Надписи есть также на асфальте и даже с наружной стороны моста: Павлик написал там, что любит Олю. А под мостом неспешно плавают по Туре единственный в городе прогулочный теплоход.

Тобольск в августе 2007 года

«Поехали завтра в Тобольск», – предложил Миша. «А где будем ночевать?» – спросил я. «Да мы завтра вечером и вернёмся», – сказал Миша. От Тюмени до Тобольска двести пятьдесят километров, а если туда и обратно – пятьсот. Для меня, привыкшему к тому, что расстояние от Москвы до Арзамаса в четыреста (а на машине те же пятьсот, я два-три раз так ездил) – это вполне себе обстоятельное путешествие, предложение казалось не совсем выполнимым. Для брата, сибиряка, дорога не представлялась чем-то сверхординарным. Наутро мы отправились и по хорошему таёжному шоссе, уставленному восьмиконечными крестами с одной и той же надписью «Господи, спаси и сохрани Россию», домчались до Тобольска на «Ладе-Калине» за два с половиной часа.

Бывшая столица Сибири – татарской и русской, аж до самого Тихого океана, – и в то же время место не столь отдалённое (по сравнению со столь отдалённой Восточной Сибирью), куда были удалены многие, от угличского колокола и пленных шведов, до декабристов, поляков и последнего царя, город, лишившийся столичного норова, когда Транссиб прошёл через Тюмень, а потом ставший центром нефтепереработки – всю эту противоречивую, смотанную в плотный клубок с торчащими нитками историю, где свобода и неволя – почти одно и то же, – можно увидеть в Тобольском краеведческом музее. Который, как и положено, находится в кремле, одновременно и крепости, и тюрьме, остроге, защищающем от безграничного и безлюдного окружающего пространства – и одновременно в это пространство не выпускающем.

Здесь есть всё, что составляет суть этого причудливого края и этого города, столицы простора и пустоты. Белоснежная модель старинного города и зал декабристов. Жилища коренных северных народов, шаманские берестяные маски и интерьер дома сибирских татар. Кандалы и клейма для каторжников – деревянные печати, где иглами выложены буквы, – и даже машинки для клеймения с целым набором клейм. Самодельные арестантские ножи и карты с чернильными пиками и трёфами. Крестьянский календарь в виде палки с засечками: четыре стороны по временам года; длинные засечки или даже рисунки (соха, грабли, серп, солнце, месяц, лодка, сани, птиц, звери) – праздники, кресты – церковные праздники; короткие засечки – будни; ниточка указывает день. Резная кость: солдаты, упряжки, охотники, конный в фуражке с автоматом, какие-то обелиски. Мамонтовый скелет и чучело белоголового сипа («Залёт птицы случайный», – говорит табличка; то есть если бы не залетел и не сел бы в 1940-м на купол церкви, остался бы жить). Тут же засушенный ктырь с пояснением: «Слюна ктырей содержит сильный яд, от которого насекомые умирают мгновенно; личинки ктырей также хищники». А по залам ходят такие каторжные на вид люди, – в спортивных обвисших штанах, которые выглядят единственными у этих людей видом брюк, – что кажется, будто арестанты пришли посмотреть на свой музеефицированный быт. Шумит, пылит в кремле ремонт: из тюрьмы делают аттракцион. Выходишь за белую стену на обрыв – и видишь обширную огибаемую широким Иртышом Подгору с костёлом и церквями посреди низкорослых крепких домов, а дальше, за Иртышом – волю без конца.

То же и у подножия памятника Ершову, местному: тобольский кремль в миниатюре на спине кита из «Конька-Горбунка», и тут же мужики играют на гармошке, лошади отдыхают, тянут другие мужики сеть, а кит вроде как и доволен – сибирская идиллия, глубокая мечта о сказочной жизни с одновременной твёрдой убеждённости, что ничего сказочного нет и быть не может. Немногие туристы фотографируются с сидящим на троне царём – сказочным, не тем, кто жил здесь, не зная, что доживает.

То же на Завальном кладбище, где и Кюхельбекер, и ссыльные поляки, и нефтяники на чёрных плитах во весь рост как живые – с эпитафиями: «Трассы нефтяные – линии судьбы на ладонях Родины-России, а в судьбе России есть и я, и ты, это мы – нефтяники Сибири». Над кладбищем нависает стальная телевизионная вышка, на кладбищенском стенде висит образец правильного креста, над кладбищем тоже ведётся очистительно-туристическая работа: «В связи с большими реставрационными работами в исторической части Завального кладбища, – висит на входе табличка, – и разработкой туристических маршрутов к историческим памятникам, просим родственников благоустроить места захоронения родных (убрать крапиву, мусор, срезать кустарники, покрасить ограды и старые памятники). В противном случае, при дефектовке, неухоженные могилы могут попасть в число заброшенных и судебном порядке признаны бесхозными, с последующей ликвидацией».

(История – это то, что остаётся после дефектовки.)

От кремля через площадь, покрытие с которой снято, а новое пока не уложено, по щебёнке мимо голых длинных труб – двухэтажное здание с художественной мастерской резчика по кости Минсалима Темиргазеева. Там стоит костяная пыль, а хозяин показывает свои богатства. Уходить с пустыми руками не хочется, я покупаю северного охотника, стоящего среди трёх ёлок. Потом замечаю деревянные фигурки, расписанные шариковой ручкой и фломастерами: хитрый татарин с привязанной к поясу копейкой. «Это Ахметка, – говорит Минсалим. – Когда споришь, держи в руке, выиграешь спор. Носи в кармане, удача будет». Я беру трёх Ахметок, себе и в подарки.

А Миша хотел привезти из Тобольска непременно копчёного муксуна. Он встретил в Тобольске армейского своего друга, и спросил, где в городе принято покупать рыбу. Друг сказал, что на вокзале, и мы поехали на вокзал. Тот был серым, с тремя бетонными углами сверху, и пустым. Внутри были работающие автоматические камеры хранения, которых я давно на вокзалах не видел. Пути были заставлены составами цистерн. Поодаль от вокзала на перроне были ряды с морем копчёной рыбы. «Главное, – сказал Миша, – чтобы вместо муксуна не подсунули щокура: щокур постнее, а муксун всегда с открытым ртом. И важно, чтобы гнилую не подсунули». Он выбирал долго, но уже в Тюмени, когда мы сели за стол, оказалось, что он всё-таки купил щокура.

Турин в сентябре 2007 года

Я в первый раз был за границей, и мне повезло, что это был Турин. В этом городе всё было совсем другим, не похожим на то, что я видел раньше. Отдалённо, своей каменностью и порядком, на него походил Петербург, – но только отдалённо, идеологически.

Первая столица объединённой Италии, он не был похож и на Италию, какой я себе её представлял. В Турине даже кухня совсем другая, савойская: «Пасту едят совсем другие итальянцы», – помахала ладонью переводчица.

От королевских времён центральным улицам достались бесконечные аркады: чтобы можно было гулять по улицам в любую погоду, не боясь ни дождя, ни солнца. Улицы второстепенные, составляющие ровные прямоугольные кварталы, узки и часто без деления на тротуары и проезжую часть. На них стоят маленькие машины: совсем не такие, как в Москве, где на размерах машин не экономят.

В то же время на Туринском возвышается Моле Антонеллиана – самое тогда высокое здание Италии. Оно задумывалось как главная синагога страны, но еврейская община отказалась от него, когда расходы были превышены больше чем в два раза, а архитектор Антонелли решил сделать её гораздо выше обычного. Думаю, на отказ повлияло и то, что многим бы не понравилось, что самым высоким зданием страны стала бы синагога. Сейчас это Музей кино с муляжами инопланетян, рабочими столами американских киномагнатов, неореалистическими афишами, воплощённой комнатой с унитазами из «Призрака свободы» и лифтом в пустоте, который поднимает на смотровую площадку. Оттуда на фоне дымчатых Альп виден весь красночерепичный город, где королевская архитектура крепко соединяется с муссолиниевской и послевоенной.

Турин – это ещё и синоним «Фиата». Нас привезли в полупустой торговый центр, и я не сразу понял, что это бывший автомобильный завод, многоэтажный, где технологический процесс шёл сверху вниз и заканчивался треком на крыше. Напротив «Фиата» – Eataly, открывшийся незадолго до того центр Slow Food с разной интересной и дорогой фермерской и не фермерской едой: в Москве тогда не было ничего похожего – ни по выбору, ни по возможности тут же, на псевдорынке, поесть. (Теперь Eataly добралось и до Москвы, но уже идейно устаревшим и мало кому нужным.)

Россия Италию интересует незначительно. В пухлой «Республике», которая лежала в гостинице (или то была туринская «Стампа»?), только на восемнадцатой или двадцатой странице была небольшая заметка об испытаниях какой-то российской ракеты, а больше во всей газете ничего. В общем, лишь бы с той стороны ничего не рвануло. Однажды рвануло: на Пьяцца Сан-Карло в одном из домов показывают ядро, оставленное суворовской армией; впрочем, тогда русские город освобождали. От железнодорожного вокзала через Пьяцца Сан-Карло к Палаццо Мадама идёт Римская улица, Виа Рома. Я тогда понял, почему все дороги ведут в Рим: в том числе потому, что в каждом, как мне сказали, городе Италии есть такая улица (я сам потом нашёл их несколько).

Турин полон небольших памятников. На маленькой площади, где мы сидели за одним из ужинов, их стояло сразу три. Саму площадь вернее было бы назвать просто внутренним квартальным двором. Двор был весь в деревьях, и мы сидели под деревьями за большим столом. Рядом стояли столики маленькие, за них садились молодые пары ради бокала вина. На балконе дома, где на первом этаже был ресторан, откуда нам носили еду, стояла женщина и смотрела на двор вообще. Это всё было тоже совсем не похожим на Россию: чтобы в вечернем дворе под деревьями стояли столы, официанты разносили вино, а на балкон вышла постоять-посмотреть жительница. Сейчас есть и такое. Как есть и то, что я увидел в другой

вечер: большая площадь у самой По была по периметру полна столиками в несколько рядов и шумела людьми, а к барным стойкам было не протолкнуться.

Заречная, за По, часть Турина, называется, мне сказали, Крым.

С поэтом Олегом Дозморовым в один из вечеров мы заспорили вдруг о хороших и плохих стихах. Наверное, я сказал о каких-то стихах, что они плохие, а Олег не согласился совсем: «Что такое плохие стихи? Не бывает плохих стихов. Бывают стихи неудачные, не получившиеся». – «То есть плохие». – «Нет-нет». – «Вспомни раннего Лермонтова, который переписывал Пушкина почти целиком, разбавляя своими плохими добавлениями». – «Это слабые стихи, не плохие. Стихи не могут быть плохими». – «Слабые, то есть плохие. Ведь хорошими же стихи бывают? Значит, могут быть и плохими». Ещё я вспомнил «Цех поэтов» – пусть мне не близка манера таким образом учить писать стихи, но у Гумилёва была хорошая средневековая идея: чтобы показать, что ты поэт, надо сделать шедевр, законченную работу, про которую можно сказать, что она хороша. Но Олег всё-таки не соглашался с моей категоричностью, и мы незаметно увеличили горячность нашего спора до такой громкости, что остальные за столом даже ненадолго замолчали, оборотившись к нам: всё же сидели мы в хорошем ресторане, пили хорошее вино, и общий разговор шёл совсем о других вещах.

Канале и Альба в сентябре 2007 года

Я оказался там случайно, и не знаю ничего об этих городках, кроме того, что там увидел, – ни истории, которая у них длинная, ни того, как и чем они живут сейчас. В Канале, знаю, есть винодельни, они изготавливают игристое асти и красное вино барбера. Там я видел пробки для игристого, широкие и ровные цилиндры, совсем не похожие на то, что потом вынимают из бутылок, и видел закрытые пивными пробками бутылки с созревающим вином. В ресторане с видом на квадратную кирпичную кампанилу была чередка из полутора десятков блюд, всего по кусочку, а официантку с хриплым лицом я встретил на следующий день в Турине: число современников велико, но не безгранично, мы все так или иначе знакомы. Городок был пуст, время было обеденное, всё закрыто, сентябрь, но жарко. Запомнились два стенда с некрологами – мне понравился этот объединяющий жителей обычай. Такой же стенд я увидел и в Альбе, узкие улицы которой были полны туристов. Там я купил шоколадные конфеты с красным перцем и спагетти с крошками трюфелей. На площади, вымощенной булыжником, видел полицейского на велосипеде, подъехавшего к спортивному автомобилю и упрекнувшего водителя за неправильную парковку. Под конным памятником патриота (их, конных патриотов, как я понял, в Италии много) сидели, сложив руки на животе, бодрые старики. Всё было упорядочено, размерено, установлено – это были настоящие городские города, и это было для меня удивительно, я впервые был за границей. Может быть, дело просто в том, что люди живут там очень давно; по крайней мере, мне хочется верить в то, что это вопрос только времени. Между городами – крутолобые виноградные холмы, огороженные каменными стенами кладбища и придорожные часовни с богородицами и искусственными цветами – как они называются, эти часовни?

Севастополь в июле 2008 года

В Севастополе мы спали под пододеяльником, сшитом из двух детских в те времена, когда со взрослыми пододеяльниками были проблемы. Смотрели с балкона на белые многоэтажные дома, угадывая в пепельной дымке горизонта серое море.

Самое интересное в этом городе люди – те, что устраивают митинги у памятника Екатерине Второй, плещут на место мемориальной таблички синюю краску, пишут на своём «Опеле» объявление «Оторву от сердца», называют магазин «Приветливым», а агентства недвижимости – «Компромисс» и «Золотые россыпи», придумывают рекламы «Бар «Обжора» – изысканный вкус» и «Камо»: любимый город может есть спокойно» и озаглавливают автовокзальный туалет «Санитарно-гигиеническим комплексом». Собакам здесь говорят: «Бэличка, ты меня напрягаешь», а знакомых приветствуют: «Сколько лет, зимой ни разу!»

Ещё вот какие были случаи.

Великобёдрая женщина в панаме, свисающей с её головы, как сама женщина свисает со складного табурета, громко зазывает на Графской пристани на морские прогулки: «Боже-ственная морская прохлада!» – а заинтересованных подзывает: «Подойдите ближе, у меня ноги болят».

Между сосен по иссушенным дорожкам проспекта Генерала Острякова, где руккола растёт сорняком, так что лучше называть её гусеничником, навстречу женщине шли бабушка и внучка. Женщина и девочка задели друг друга, и на землю упало мороженое в вафельном стаканчике, так что у ошеломлённой девочки осталась в руках только плёночная упаковка. Женщина остановилась и сказала: «Ребёнку тоже надо смотреть. Сейчас я тебе денежку дам», – и дала из кошелька несколько денег.

Маршрутное такси, называемое здесь «топиком», подъезжает к остановке (а останавливается оно только «в оборудованных местах»: «остановок «Автостоянка», «Проём», «Конец забора», «У знака «Севастополь» НЕТ»). Водитель, молодой загорелый парень в больших чёрных очках, будит гудком спящую на скамейке старушку. Та с трудом встаёт, передвигается в носках, кидает впереди себя тапки и палку. Одна тапка падает под автобус, и она её долго достаёт. «Бабушка, за мной сейчас все встанут, давайте быстрее», – говорит водитель ласково и терпеливо.

«Знаете, зачем на дорожку присаживаются? – говорят нам на прощание. – Потому что за путешествие в организме отвечает попа». «Я такую пахоту – не принимаю!» – отзывается телевизор из гостиной.

Бахчисарай в июле 2008 года

Сверившись с расписанием, мы решили, что добраться до Бахчисарая на утренней электричке получится быстрее и дешевле, чем на рейсовом автобусе. Мы едва на неё успели: купили билеты, проскочили через турникеты, подгоняемые перронными контролёрами, вскочили в последний вагон. Доехав до Инкермана, поезд встал и встал. По соседнему пути, устанавливая собственное, длинное, как рельсы, которые он нёс, время, перемещался по сантиметрам туда и сюда ремонтный состав. Мелкий туманный дождь разошёлся, вырос в тяжёлый ливень. За пустынным вокзалом слышался шум автомобилей, мелькали красные пятна «Икарусов». Платформы с рельсами расстилались, выдвигались, вытягивались, протяжённые, осуществлялись. Через полтора часа, когда поезд должен был быть за Бахчисараем, он тронулся – и слева раскрылось удивительно близкое море. Мы осторожно объехали узкую бухту под пещерным монастырём, пробрались наконец на быстро сохнувший простор.

Маршрутка за маршруткой отходили от бахчисарайского вокзала набитые. Мы уместились в пятой или шестой, выгрузились наугад и очутились в перенаселённом, как маршрутка, дворце. Дворец был светел и ярок, как плодоносящий сад в ясный день. От него мы шли мимо щедрых садов по пыльной сужавшейся дороге к лесу, а потом по лесу – к Чуфут-Кале, мимо православного изобилия, можжевеловых массажных приспособлений, эфирных масел, пучков лаванды. Поднявшись к городской калитке, встретили у кассы бородатого молодого иностранца с рюкзаком, которого видели на дороге перед собой. Он спорил с кассиром, которая утверждала, что в самом начале пути было предупреждение о плате. Он не стал платить и тем же бодрым шагом, каким поднимался, стал спускаться без внешнего сожаления.

Город захватили вооружённые фотоаппаратами людьми. У края обрыва смеялся босой мужчина в кимоно. Он по очереди держал за кимоно над высотой босых мальчиков и девочек. По каменным колеям бегала собака; пахло сухими растениями. «Дальше есть ещё сооружения?» – спросили нас у ворот. Дальше сооружений не было. Я почувствовал себя незаконным гостем на этой плоской вершине. Не для меня строился этот город, не мне оставили его ушедшие в другие города люди.

На обратном пути я купил посреди леса тёмно-зелёную тюбетейку с золотисто-красным узором. Она казалась красивой, но только казалось – потому, что татары не носят таких тюбетеек, это сувенир, а не головной убор. «Сваночки из овчиночки, – приговаривала торговка. – Это льняная, берите, тюбетеечка. Если душа запела, то берите. От зелёной душа запела?»

Южная Африка в августе 2008 года

Озеро было видно издалека: вокруг были белые облака, но над ним облаков не было. Пустота между ними обрисовывала его продолговатую изогнутую форму как на карте. Самолёт приблизился, внизу стали видны далёкие берега и тёмно-синяя твёрдая вода. За окном расстиралось невероятное бесконечное пространство, где не было места названиям и именам. Я мог назвать это озеро, как мне захочется, но этого мне совсем не хотелось. Потом оно стало называться Ньяса.

Кейптаун из самолёта – лучший вид, что я встречал в своей жизни. Мы сделали круг над океаном, который сначала был похож на смятую, но разглаженную тёмно-зелёную бумагу для постели, потом на шёлк, а несколько секунд – на бархатный щавелевый суп. Волны шли к дуге пляжа тонкими длинными стержнями. Это был Фолс-Бей, Ложная бухта, – залив, прозванный так потому, что шедшие из Индии мореплаватели часто принимали его за Столовую бухту (чтобы добраться до неё, им надо было ещё обогнуть мыс Доброй Надежды). Но больше всего меня поразило то, что всё это – Африка, океан, горы, чаша долины, наполненная садами и разноцветными домами – существует не только как плоские пятна на карте, а на самом деле.

В населении Кейптаун гораздо уступает Йоханнесбургу, но в полтора раза превосходит его по площади. В высоких домах здесь люди не живут, таких домов и немного. Мы ехали мимо лачуг бедных (негров) и особняков небедных (негров и белых). Кроме качества жилищница в социальном положении обозначена заборами с наклейками охранных агентств, предупреждающих о том, что охрана вооружена. По верху заборов идёт проволока, и если она не колючая, значит она под током.

Августовское утро в Кейптауне – это конец зимы – может разразиться проливным дождём, а может наполнить город мягким, полным воды туманом, полностью спрятав горы и океан. Потом проясняется ярко-синее небо и нарядно освещается набережная Виктории и Альберта с магазинами. Возле них поют, покачиваясь, женщины в цветастых костюмах или танцуют и бьют в перевернутые ведра чернокожие парни в высоких резиновых сапогах. Тем временем из синей, как небо, гавани выбираются на бетонные лежанки котик.

К масштабному Кейптауну, разлегшемуся в широкой долине между серо-зелеными горами, прицепляются серьги небольших городков с рыбацкими пристанями. Таков Колк-Бей на берегу Ложной бухты. Туда мы поехали по набережным дорогам и под горами невозможной красоты. Там мы сидели в рыбном ресторане «Harbour House» – рядом с причалом с баркасами рыбаков, прямо возле рыбного рынка, где по утрам торгуют уловом. Из окон был виден океан, в нём ныряли тюлени, колыхались огромные коричневые головы водорослей. Недалеко от Колк-Бея есть колония пингвинов, и мне предложили на час съездить туда. Но я был всего второй раз за границей, и мне очень было интересно, как устроена тут человеческая жизнь, так что я остался.

Я стоял и фотографировал двор кубинского рестораника с Лениным в зарослях, фотографировал дома, горы, пригородные поезда, пустые улицы, магазины, автомобиль. Боялся потратить впустую отпущенное мне короткое время, и поэтому тратил его впустую, вмещая в кадры всё, что видел. Я знал, что надо было поступить иначе, что надо было стоять и просто смотреть или ходить и смотреть и слушать, но я фотографировал. Ко мне подошёл человек

в рыжей куртке, которая была на сером свитере, который был на тёмной клетчатой рубашке, – видно было, что спит этот человек во всём сразу. На голове его, седобородой, с красным носом и жёлтыми курительными усами, была бейсболка с потрёпанным козырьком. «Фотографируешь?» – ехидно спросил он. «Да», – сказал я. «Ну вот меня сфотографируй, – сказал он. – Я вот человек. Живу здесь». Я сделал два горизонтальных снимка и один вертикальный. «Да ты теперь звезда», – сказала ему девушка из магазина женской одежды, вышедшая на улицу поболтаться.

Я перешёл через дорогу и зашёл в букинистический магазин – перебирал колониальные открытки, пожелтевшие карты, старые книги с фотографиями пароходов и парусных судов и купил одну – небольшой справочник «All About Ships and Shipping». «Любите корабли?» – спросила старушка, сидевшая посреди карт и ящиков с книгами. И я вдруг почувствовал, насколько разнообразен мир, и почувствовал, как многие следствия получают другие причины. Это был, можно сказать, почти самый край земли, но я не чувствовал никакого разочарования от того, что он обитаем и благоустроен.

На обратном пути нам захотелось в место, которое здесь называют исключительно bathroom. Мы остановились под очередной живописной горой у небольшой конторы с объявлениями о продаже домов. Агенты – пять женщин среднего возраста – были не против того, что мы не будем ничего у них покупать, а так только, руки помоем. Среди них оказалась полька, которая знала немного по-русски. Мы всё же приценились: хороший просторный дом на побережье стоил как небольшая квартира на московской окраине.

Главная ночная улица Кейптауна называется Лонг-стрит. Но таксист, который нас привёз, тут же сильно её укоротил: «Там, где света нет, гулять не надо. В другую сторону не ходите дальше вон того угла. Там наркотиками торгуют и ограбить могут». Отель был в пяти минутах ходьбы, и наша поездка напоминала то, как возили когда-то от Казанского до Ярославского вокзала тех, кто впервые попал в Москву. Тем не менее она имела смысл: пешком по вечерам в Кейптауне ходить не то чтобы не принято, но небезопасно.

Мы зашли в гамбургерную «Royale Eatery», её держит женщина по имени Дина и два её сына. Дине за сорок, она не местная, переехала когда-то в ЮАР, кажется, из Мозамбика; местные зовут её Мамой. Кафе было трёхэтажным и узким, на стенах висели музыкальные инструменты (видел балалайку), умывальник в туалете был сделан из лейки. Мы съели по бургеру; у меня был из страуса, и его мясо оказалось похожим на говядину. На третьем этаже был бар, народ только подтягивался. Я взял намибийского пива «Виндхук». На столике лежали флаеры на концерт группы «340 ml» – и я не сразу понял, что это название: такого же объёма была бутылка, которую я держал в руках. Из бара вела лестница на крышу. Звёзды были видны, но их свет терялся от света города, и Южный Крест я не нашёл.

Потом мы гуляли, разглядывали витрины закрытых магазинов, вывески отелей для бэкпекеров, развешанные на столбах ксерокопии рисунков с космонавтами – смысл был тот, что пора бы уже и южноафриканцам сделать свою ракету (тем более что второй космический турист был из Южной Африки и учился в Кейптауне). Заходили в бары, кафе, секс-шоп (на обложках дисков – почти исключительно белые женщины и немного азиаток; негритянок не видел, хотя продавец был негром), небольшой супермаркет (похожий на «Копейку» с практически идентичным ассортиментом: консервы, крупы, лук, бананы, даже русские сигареты «LD»). Клуб с группой «340 ml» мы так и не нашли, но музыки на улице было полно. Мы зашли в место под названием «Zula», где на входе два огромных негра обещали «две очень хорошие группы». В ожидании молодёжь (и белая, и чёрная, но смешанных компаний не было) сидела на террасе над улицей, вытягивала трубочками из бутылочек сидр. Сидр тоже был ынамибийским. Бармен в огромной шапке, похожей на голову осьминога,

показал мне большой палец вместо пожалуйста. Концерт начался поздно, так что мы выслушали только одну хорошую группу. Бармен написал мне название – «The Sleepers» – и снова показал большой палец. Молодёжь слушала стоя и покачиваясь, но слышно было, что вокалист в армейских ботинках и бритой головой любит более брутальную музыку, чем соло-гитарист. Я к тому времени уже испытывал странную тягу к этому непонятному Кейптауну, где чувствуешь себя одновременно как дома и в то же время ощущаешь непонятную угрозу. Она исходит от этой нерешенной проблемы, о которой никто вслух нам не говорил: люди с разным цветом кожи отгораживаются друг от друга и без апартеида.

Кейптаун был основан голландцами в 1652 году как перевалочный пункт. Здесь запасались водой и продуктами корабли, шедшие на богатый пряностями Восток. Примерно в то же время первые поселенцы поняли, что место хорошо само по себе, и начали колонизировать окрестности, чтобы выращивать те самые продукты, которыми пользовались мореплаватели. Уже через двадцать лет здесь была основана первая винодельня, а сейчас город окружает множество виноградников.

Мы побывали на одной винодельческой ферме – она называется Fairview, находится примерно в часе езды от Кейптауна. Там всё сделано туристически: не только хорошее вино, но и всё для того, чтобы его было интересно пить. На входе башня, в которой живут горные козы, в кафе к вину дают отличные сыры и свежий хлеб с оливковым маслом (тоже здешним). По деревьям прыгают белки, через дорогу бродят страусы, а посреди пейзажа, напоминающего коктейбельский, отражает облака небольшое живописное озеро, перед которым стоит табличка: «Купаться запрещено, крокодилы» (это, кажется, шутка).

Столовая гора – мир дикий, космический, куда ведёт земная канатная дорога. Мы поднялись на неё, когда «стол» накрыло «скатертью», проще говоря, облаками. Плоская каменная вершина поросла вереском и жёлтыми цветами, над которыми летают оранжевые птицы. В углублениях лежит чистая вода. Люди кутаются в куртки, ходят среди облаков по каменным тропам и всматриваются вдаль – туда, где молчаливая горная цепочка уходит над океаном к мысу Доброй Надежды. Передвигаются, как молчаливые призраки, по туманным пустошам. Но вот один заговорил: встал с видеокамерой у края километрового обрыва, чтобы снять то, что проявилось из-под улетающего облака – город, море, одинокий зуб горы Львиная Голова, – и комментировал для будущего зрителя: «Ты только посмотри на это! О боже. Фантастика. Ты только посмотри».

Из Кейптауна в Преторию мы ехали двое суток. Скорый преодолевает это расстояние (1600 км) за сутки; наш поезд ехал не торопясь, а по ночам надолго останавливался на станциях для лучшего сна пассажиров. Это был Pride of Africa, пятизвёздочный железнодорожный отель.

Разместив багаж в своём купе-номере, где была и двуспальная кровать, и душ, я отправился знакомиться с этим выдающимся составом ближе и обнаружил, что купе не запирается снаружи. Памятка пассажира при этом предупреждала, что, покидая купе, нужно непременно закрывать металлическую штору, а лучше и окно и штору вместе, чтобы во время стоянок не возникало соблазна у людей, стоящих на платформе. Так я понял, что путешествую в комфортабельной крепости на колесах. Состояла она из вагонов в эдвардианском стиле с просторными, как комнаты, купе, отделанными красным деревом и снабженными двуспальными кроватями, душем, туалетом, а кое-где и ваннами. Кроме того, здесь были два

вагона-ресторана, вагон-лаунж с глубокими креслами, диванами и небольшой библиотекой (я обнаружил несколько книг на русском), а замыкал поезд обзорный вагон с баром и открытой площадкой.

За окнами потянулись кейптаунские пригороды с торговыми центрами и цветными поселками бедноты с развешанным бельем, вдалеке виднелись горы, которые медленно приближались. У них были зелёные подножия, а склоны меняли под бегущими облаками оттенки всех возможных светлых цветов. От подножий раскрывались веерами долины, расчерченные виноградниками и рядами цветущих слив. Проехали мимо павиана. Всё новые и новые горы напоминали уже плотно прижатые друг к другу слоновьи головы с тяжёлыми хоботами. Потом сделались покатае и красноватее, на каменистых склонах редела растительность, кое-где на вершинах появился тонкий серебристый снег. Поезд вдруг окунулся в короткий тоннель, затем во второй, в третий, а потом темнота вокруг протянулась на целых тринадцать километров. Мы постепенно забирались выше: приближалась полупустыня Кару. Горы становились голыми и редкими, а вскоре почти иссякли, и только кое-где на ровной плоскости стояли одинокие уменьшенные копии Столовой горы. Среди кактусов и прочих колючек, редких акаций и оранжевых холмов термитников расхаживали страусы, паслись антилопы и овцы – белые и белые, но черномордые.

Первых выращивают для шерсти, вторых – для мяса. Так нам объяснил за обедом (было боботи – южноафриканское блюдо из мясного фарша, запеченного с яйцом) местный овцевод Джон, который путешествовал с женой Фионой. Ему было около пятидесяти, он закончил университет, где изучал литературу, но стал фермером. Он же сообщил, что антилопы зовутся спрингбоками, и в красках описал, как охотится на них в окрестностях своей фермы. Джон с Фионой любят путешествовать и незадолго до того побывали в России: проехали из Санкт-Петербурга в Москву на автобусе. Кроме архитектуры, церквей, метро и Пушкинского музея им больше всего запомнилось, что жители, особенно пожилые, на любой вопрос иностранца, как правило, отвечают: «Nyet!». «Я – как отец большого семейства», – рассказывал он про отношения с своими работниками, которые зарабатывают в месяц около двух тысяч рандов. Кроме того, у них бесплатное жильё и за электричество и прочее они не платят тоже. Я посчитал, что это не самые неплохие условия в стране с пятидесятипроцентной безработицей и невысокими ценами (в два-три раза ниже московских). Одним из главных достижений демократической революции, по мнению Джона, стало то, что кроме «white fat cat» в стране теперь есть и «black fat cat». Апартеид, по его же словам, был ужасен, но и сейчас дела не сказать что хороши: белая молодёжь уезжает из страны (в Англию, Австралию, Новую Зеландию), потому что получить работу гораздо проще чернокожему, даже если он хуже образован. Коррупция чудовищная, уличная преступность тоже значительно выросла. «Мы не можем чувствовать себя в безопасности в своей собственной стране», – сказала Фиона. (Тут я, наполовину советский по образованию, впервые задумался о том, что Южная Африка и страна белых тоже.) Во времена апартеида Джон продавал шерсть в том числе и в нашу страну – напрямую СССР не покупал принципиально, но через Маврикий брал с удовольствием. В первую ночь мы проезжали через район, где находится их ферма. (Позже он прислал её фотографию: вид сверху, река, Кару. Я спросил его, с горы ли сделан снимок; он ответил: «С одной из. У меня их несколько».)

Вечером поезд сделал первую остановку в крошечном, состоящем из двух улочек, викторианском городке Майкисфонтейне. Бывший курорт, сейчас это пример того, как сделать туристический аттракцион из ничего: в каждом доме либо музей, либо отель, либо отель, совмещенный с музеем. По главной улице (метров двести) ходит единственный общественный транспорт – экскурсионный даблдекер. Туристов зазывает в него крупный негр с трубой и в котелке. Это едва ли не самая жизнерадостная экскурсия на свете. «Сейчас или никогда! Никогда или сейчас! Шоу начинается!» – бодро комментирует он неторопливый вид за окном,

временами трубя в трубу своими сильными щеками и легкими. – Обратите внимание! Слева! Первая школа в нашем городе! Она же! Последняя школа в нашем городе! А теперь! Мы поворачиваем! Направо!» – и мы действительно повернули направо, точнее, развернулись и поехали обратно к станции.

Здесь есть музей транспорта: полтора десятка старинных автомобилей, паровоз и несколько вагонов начала-середины двадцатого века (я зашёл в один: ни одного одинакового купе – каждое отличается от предыдущего количеством мест (от одного до трёх), их расположением, наличием или отсутствием умывальника и другими деталями). И есть музей всякой всячины, где собраны, наверное, все вещи, которые когда-либо бывали, но вышли из употребления в Майкисфонтейне: наряды времён англо-бурской войны, зуболюбное кресло, пуговицы, пузырьки, клещи, гвозди, разного рода мочеиспускатели и ночные горшки, внушительная коллекция фотоаппаратов (одних только «леек» не меньше десяти). Масштаб собирательского таланта Дэвида Роудона, основателя музея (он же владелец Майкисфонтейна) оценил бы Илья Кабаков.

Я полюбился напоследок деревом, на котором качались гнезда ткачиков, и отправился в купе переодеться: вскоре должен был раздеться гонг, приглашающий к ужину. А на ужине женщины обязаны быть в вечерних платьях, а мужчины – в костюмах с галстуками (для поездки мне пришлось купить и галстук, и костюм, потому что ни того, ни другого у меня не было, не ношу). Джон пощупал рукав и сказал: «О, меринос!» Я сказал: «Наверное». Он посоветовал обязательно попробовать филе спрингбока. На вкус мясо антилопы напоминало скорее печень. После ужина, когда совсем стемнело, я отправился в последний вагон, на смотровую площадку.

Над землёй нависало глубокое и холодное чёрное небо с необъятной сияющей шалью Млечного Пути, по которому, казалось мне, можно было провести рукой, и незнакомыми созвездиями, сиявшими, как алмазы. Слева от Млечного Пути распростёрся огромный Южный Крест.

Настоящие алмазы мы рассматривали на следующий день, когда поезд добрался до Кимберли, бриллиантовой столицы страны (перед ним была река Оранжевая, которая оказалась зелёной). На станции из поезда выгрузили престарелого пассажира, который не выдержал поездки; его увезли в больницу.

Главное место Кимберли – первая открытая людьми кимберлитовая трубка (она, как и все остальные, названа в честь города). Когда-то на её месте высился небольшой холм, который за несколько лет превратился в самую большую яму, вырытую человеческими руками. Она так и называется: Big Hole. Сейчас это отверстие, из которого было добыто почти три тонны драгоценных камней, представляет собой грандиозный памятник человеческой жадности: полкилометра в диаметре, двести сорок метров глубины (часть засыпана отработанной породой, сверху глубокое зелёное озеро), на голых склонах растут деревья. Рядом музей бриллиантов: снаружи старательская техника и приспособления вроде туалетной железной бочки с сиденьем сверху, внутри экспозиция с копиями знаменитых бриллиантов и магазин с настоящими; выдающихся среди них нет – те продают на экспорт. Не помню, услышал ли я это от гида или вычитал после, но вот факт: старатели не сразу поняли секрета кимберлитовой трубки и того, что кимберлит – алмазосодержащая порода. Они строили из него дома, и позднее почти все эти первоначальные здания были разрушены: в стенах находили драгоценные камни.

После Кимберли нам обещали озеро Камферс-Дам, где живут десятки тысяч фламинго. Пассажиры собрались на открытой площадке и ждали их появления с нетерпением. Вот, наконец, оно показалось, всё в розовых птицах. Все бросились фотографировать, а когда озеро осталось далеко позади, на смотровую площадку выбрался человек с камерой, воору-

женной объективом размером с ручной пулемёт, поставил её на одноногий штатив, со скоростью опять же пулемёта сделал сотню снимков и спокойно ушёл, оставив пару шуток.

Вечером я сидел и подписывал открытки с поездом в последнем вагоне, когда окно рядом треснуло от брошенного камня. «Это дети. Простите», – сказал бармен и задёрнул окно занавеской.

Наутро мы должны были остановиться на станции Центурион. На ней к составу прицепляют для торжественного въезда в Преторию паровоз; он мог бы везти поезд и всю дорогу, но в ЮАР не так много угля и дров. До времени, указанного в расписании, оставался примерно час, когда поезд встал и стоял, словно ожидал чего-то важного. Я сидел в купе, глядел в окно, поглядывал на часы. Наконец, решил выйти и посмотреть, чем заняты другие пассажиры. Оказалось, все покинули поезд: это и был тот самый Центурион. Они фотографировались на фоне гордого блестящего паровоза. Он разводил пары и готовился к отправлению. Из пробежавших мимо жёлто-серых электричек махали руками южноафриканцы.

Мы проезжали мимо цементного завода где-то между Йоханнесбургом и Преторией, когда пожилой джентльмен-африканер, стоявший со мной на обзорной площадке, спросил меня, чем я зарабатываю на жизнь. Перед поездкой нас попросили не говорить, что мы журналисты, чтобы не смущать отдых пассажиров. И я сказал то же, что Джону и Фионе: «Я писатель». Он в свою очередь оказался промышленником, осведомлённым, что именно за завод мы только что видели.

На вокзале в Претории нас ждали с табличкой «Русские журналисты». Так всё открылось. Джон сказал: «Журналисты, значит». Но они с Фионой не обиделись, мы до сих пор переписываемся. Старшего их сына я встретил несколько лет спустя: он занимался маркетингом колбасной фирмы из Йоханнесбурга и приехал в Москву на продовольственную выставку. Недавно он женился на дочери габсбургской принцессы, которая приехала работать врачом в Йоханнесбург. А Джон теперь гордится своим внуком Карлом.

Расположенный совсем рядом с Преторией Йоханнесбург (местные называют его Джобург, Joburg) – чуть ли не единственный мегаполис (восемь миллионов жителей) мира, который возник не у воды: ни моря, ни крупных рек и озёр поблизости нет. Он возник на золоте и благодаря золоту. До сих пор в городе много длинных и ровных желтоватых холмов (они так и называются – yellow hills), напоминающих гигантские насыпи: это отработанная золотоносная порода. Сейчас её снова пускают в дело, потому что современные технологии позволяют выбирать ещё больше золота. Вообще этого металла здесь много, но в каждой тонне породы содержится всего девять граммов, поэтому дешевле перерабатывать отходы, чем добывать его из шахт, глубина которых достигает уже двух километров.

О том, как богат этот город, говорит торгово-деловой район Сандтон с песочного цвета небоскребами и сверкающим моллом Sandton City, к которому прилегает площадь Нельсона Манделы. Сам он, в виде шестиметровой бронзовой статуи, шагает к фонтану в своей рубашке-мадибе. О том, как Джобург беден, рассказывают пригороды, townships, где проживает основная масса негритянского населения. Всего пригородов восемь; внутри они районированы (по крайней мере, так было раньше) по языковому принципу; в стране 11 официальных языков, из них только африкаанс и английский европейского происхождения.

Соуэто (Soweto – South-Western Township) – самый крупный, самый благополучный и самый известный из пригородов. Здесь набирал силу Африканский национальный конгресс, здесь начиналась негритянская революция, здесь есть улица, на которой в своё время жили сразу два нобелевских лауреата – Нельсон Мандела и Десмонд Туту. В доме Манделы теперь живёт его бывшая жена Винни и расположен детский центр. Недалеко от него мы встретили похоронную контору «21st Century Funerals». На витрине расписаны услуги:

она предлагает похороны под ключ, включая аренду пятидесяти стульев и четырёх столов – наверное, для поминок.

В Соуэто нас повёз человек, который специализируется на подобных экскурсиях для иностранцев. Мы ехали по пригороду, разглядывая придорожные столбы, на которых висели листы с шапками разных газет, и продавцов этих газет, подходящих к машинам на перекрёстках, пикапы (самый распространённый в городе вид транспорта), полные людьми или буханками белого хлеба, магазины и окружающие их бесконечные, тянущиеся до самого горизонта плоские разноцветные трущобы, над которыми высятся две широкие трубы бывшей электростанции (одна из них в религиозной живописи). Наконец остановились у небольшого рынка с овощными лотками и загоном, в котором толклись чёрные овцы. Гид сдал нас проверенному парню, и тот повел вглубь улицы образцово-показательной нищеты. Мы шли вдоль хижин, сделанных из подручных материалов. На заборе построенного таким же образом детского сада висел знак с перечёркнутым пистолетом: «Зона, свободная от оружия». В чистых двориках белозубые женщины, развесив постиранное белье, сидели с подругами. Из самодельных дверей выглядывали молчаливые малыши. Молодой отец семейства поливал крошечный газон, подсоединив к колонке длинный шланг. Пройдя метров сто пятьдесят, мы дошли до перекрёстка с продуктовым магазином. Тот напоминал сарай в среднерусской полосе, только украшенный логотипом «Кока-колы». Гид сказал, что дальше идти опасно и надо возвращаться. От предложения зайти к кому-нибудь в гости мы отказались – нам и так было неловко – как будто мы шли по зоопарку, причём в качестве зверей. Так же неловко расплатились за прогулку; парень сказал, что деньги пойдут на нужды «местного сообщества».

В июне 1976 года в Соуэто прошла демонстрация школьников и студентов, которая вылилась в то, что теперь называют «Soweto uprising», соуэтским восстанием. Массовые выступления начались после того, как власти решили ввести в негритянских школах обучение на африкаанс. Точнее так: на африкаанс должны были преподаваться математика и общественные науки, на английском – естественные науки и то, что у нас называют слово «труд», а на местных языках – религия, музыка и физкультура. Дети ответили шумными акциями под лозунгом «To hell with Afrikaans». Эти слова писали на картонках и фанерках, они есть в Мемориале Гектора Петерсона. Гектор – двенадцатилетний мальчик, которого во время демонстрации застрелила полиция; он стал героем. По музею водят группы школьников, они смотрят на оружие полицейских, огромные чёрно-белые фотографии насилия и читают вслух, под руководством учителя, освободительные тексты. В туалете музея висит контейнер для бесплатных презервативов (правда, пустой) – в стране каждый пятый ВИЧ-инфицирован. У мемориала ряды с сувенирами. Продавцы настойчивы, но не привязчивы. Один, узнав что я из России, сказал «dobryden» и пытался продать мне оранжевую рубашку, которая мне была ужасно велика, но он убеждал, что так и надо. Напротив сидели пожилые женщины, торговавшие бусами, серьгами и прочим, сплетённым из разноцветного бисера. Я купил бирюзово-оранжево-белый браслет, надел его, и гид-водитель сказал мне: «Zulu boy».

Недалеко от Йоханнесбурга есть Львиный парк, Lion Park – для тех туристов, которым недосуг ехать в Национальный парк Крюгера. Там живут не только львы, но и страусы, жирафы, гиены, гепарды, читы, зебры и антилопы – спрингбоки, блесбоки, гемсбоки, импалы и гну. Детёныши гиен и львов живут вместе в специальном вольере, вход в который доступен всем. Человеческие дети не отходят от детёнышей ни на шаг: и лъвят, и гиенят можно даже погладить – главное, не около хвоста, и возле головы не стоит. Маленькие львы на зрителей не обращают никакого внимания и только дышат языками от жары; у детёнышей гиены лежат на земле длинные и тонкие половые органы: как у мужских особей, так и у женских – в этом смысле их отличить трудно.

Жирафа мы кормили, поднявшись на специальную деревянную вышку, сухими шариками корма, который продают тут же. Когда жираф понял, что больше мы ему ничего

не дадим, он тщательно очистил себя от крошек: сначала засунул свой длинный синий язык глубоко в одну ноздрю, потом в другую, и, покачиваясь, отплыл.

Антилоп, зебр и львов отправились наблюдать в фургоне-клетке: на свободе тут звери. Зебры, когда мы остановились возле них, дружно повернулись задом и приняли неподвижную оборонительную позицию, уставившись в разные стороны. Рогатые антилопы паслись вдалеке, а гид, местный чернокожий зоолог, рассказывал про их отличия и дружелюбие одного из видов (стыдно – забыл, какого): даже во львах они не видят опасности, доверчиво подходят к ним: «Hi, lions! How are you today?» – так он изобразил их поведение. Ещё я узнал, что гепарды хоть и относятся к семейству кошачьих, но имеют много общего с собачьими. А гиены наоборот: похожи на собак, но по строению черепа близки к кошкам.

Передвигаться по открытым пространствам парка можно на собственной машине – но никуда из неё не выходя. Предосторожности не лишние. Девять лет назад, рассказал гид, приехала чета китайцев. Мужу захотелось подойти ко львам поближе, чтобы снять их крупным планом. Он вышел к животным, те его съели; жену, которая отправилась его спасать, съели наполовину. С тех пор прайд, который это сделал, называют «Chinese Taken Away». В другом прайде – два взрослых самца: редкий, как нам сказали, случай; они братья и сумели договориться. Ещё один прайд – белых львов, его глава Лицаци был огромным (сказали, самый большой белый лев Африки). Взгляд Лицаци был завораживающе безразличен. Там, где живут львы, растут деревья. Зашумели птицы, и белые львицы, не обращая на нашу машину никакого внимания, потянулись на звуки. Свою обычную пищу львы едят раз в неделю, но и сытые опасны. А сношаются они пятьдесят раз в день – правда, по пять секунд. Я бы так не смог.

В кафе за чаем нам рассказывала о парке девушка по имени Мэнди. На экране висящего под потолком телевизора обнимался и катался по траве со львами и гиенами её муж Кевин. Он зоолог и режиссёр, который снимает про своих друзей документальные фильмы. «Не знаю, смелый он или просто тупой», – пошутила Мэнди. Туалет возле кафе разделялся на «Lions» и «Lionesses».

От мюзикла «Умоджа» я ожидал этнографическо-туристической тоски. Совершенно зря: он оказался иллюстрированной историей южноафриканской музыки. Невероятно пластично двигаются в бисерных костюмах женщины с мощными, но очень притягательными ногами и небольшими обнажёнными грудями. Бьют в барабаны мощные самцы в звериных нарукавниках и юбках. Потом все они передеваются в пиджаки и платья в стиле пятидесятых или длинные белые балахоны – и танцуют, танцуют, и поют, поют. Слова самые простые, ведь для песни достаточно самых простых слов, а точными их делает музыка.

Слово «умоджа» (это суахили) означает что-то вроде духа совместности, соборности, если по-русски; но соборность эта какая-то первобытная, начальная, и по определению жизнерадостная. К тому же слово «соборность» выдуманное, а слово «умоджа» нет. Наверное, лучше перевести его как «мир» в людском значении. Публика в зале, которая временами подпевала во весь голос и тоже чуть не пускалась в пляс, – и белая, и чёрная, в большинстве своём юная. И белые, и чёрные сидели рядом, но в одной компании либо только белые, либо только негры. Так везде – в магазинах, в ресторанах, на улицах. Апартеид кончился, люди живут вместе, но вряд ли совместно; совместно они работают. Белое население страны сокращается; и будет жаль, если Южная Африка станет в будущем исключительно негритянской, потому что в совместности её красота и сила.

В Африке я, человек филологичный, вдруг понял, что смог бы жить среди другого языка, и утрата языковой идентичности не станет для меня критической (раньше я не задумывался о том, что для множества людей это является каждодневной реальностью). Челов-

века связывает с другими не только язык, и для жизни достаточно самых простых слов. Это будет, возможно, полуживотным состоянием – но как раз в той степени, когда разница между человеком и животным отчётливо видна. Тонкие оттенки смыслов – это необязательная роскошь. Я привык в ней жить, но она мне ничем не обязана. Правда, людей разъединяют не только языки, и моё желание присоединиться к чужому не означает, что меня примут.

На следующий день я стоял в йоханнесбургском аэропорту перед сувенирным магазином Out of Africa и думал о том, что его название (в честь известного фильма) точно передает отношение к Африке европейцев: место, куда можно съездить надолго или ненадолго, но откуда нужно обязательно возвращаться. Но я бы жил там, мне захотелось стать негром. И это не было желанием стать другим – наоборот, это было близко к желанию быть самим собой. Тем более, что я не знаю в точности, что такое быть самим собой.

Стамбул в декабре 2008 года

Когда плывёшь от Эминёню ли к Бешикташу, от Бешикташа ли к Ускюдару, от Каракёя ли к Кадыкёю, Стамбул раскрывается как книга, как свиток, где каждый дом – отдельный знак, отдельная неведомая буква, заключающая в себе целую историю. Не зная языка, я воспринимал эти истории зрительно, как криптограммы. Каждый знак отличался от другого, и общего у них было то, что они составляли эту книгу, этот город. И истории, которые приключились с нами за пять стамбульских дней, были также отдельны, но складывались в цельный узор – как листья и разноцветные васильки на расписных мисках с Большого базара.

проблемо

В Каракее мы купили телефонную карточку и акбиль и спустились в подземный переход, чтобы выйти к трамваю. В переходе с закрытыми магазинами к лестнице, ведущей наверх, побежал мальчик-чистильщик обуви со своей коробкой через плечо и уронил щётку. Ксения подняла её и окликнула его. Мальчик сначала долго благодарил, склоняя голову и прижимая руку к сердцу, потом без перехода стал предлагать услуги и, склонившись в излишне вежливом поклоне, быстро мазнул Ксениины коричнево-чёрные ботинки чёрной ваксой, указав пальцем: «Проблемо! Мадам – проблемо!» Когда мы поднялись, то очутились у выхода с трамвайной остановки и поняли, что чистильщик никак не мог побежать туда по своей надобности и что он точно угадал, что мы в первый раз в Стамбуле. По крайней мере, в первый раз в этом подземном переходе.

кошки, собака

Нам повезло с погодой. Мы гуляли по тёплой набережной вдоль улицы Кеннеди, смотрели на сверкающее под ясным небом Мраморное море всё в кораблях, на одиноких мужчин с поднятыми воротниками курток, на сидящих на чёрных прибрежных камнях кошек, наблюдали собаку, брошенный пикап, вынутые на берег лодки рыбаков.

важность

В кафе в Эминёню мы ели чорбу и кёфте, пили чай, а повар и официант смотрели, как мы едим. На Диван-Йолу зазывала, превратившийся в официанта, смотрел на нас тоже, и некоторое беспокойство в его глазах сменилось спокойствием, когда мы насытились и похвалили еду. Ему это было важно.

галатский мост

Удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки,
удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки,
удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки,
удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки, удочки.

лобстер

Под удочками рыбные рестораны. Мы приценились к одному из выставленных меню, и нас тут же подхватил дородный официант.

— Русский?

— Русский.

Нас усадили за торжественный стол и группой из четырёх человек принесли поднос, где пересыпанные льдом лежали рыбины и другие морские животные.

– Русский! Лобстер! – сказал тот, кто нас заманил, показывая на огромного морского рака. Мы вежливо попросили жареной скумбрии и воды.

недели

В соседней кабинке телефона-автомата в Каракее стоял в темноте хмурый мужчина лет тридцати.

– Алё. А что ты мне прямым текстом не написала, ребёнок мой или не мой? – разговаривал он, делая паузы. – Ну посчитай сама. Недели... сентября... недели... Ну как, денег не прислали, сижу тут, нервы на пределе.

Когда он услышал, что мы говорим по-русски, то стал говорить тише.

алё

Когда я звонил девушке внизу, чтобы она включила отопление, она (её звали Мелтем) говорила: «Алё!» совсем как русская. В одном из соседних номеров громко ругались мужчина и женщина, переходя с турецкого на русский и снова на турецкий.

окно

Из окна нашей комнаты была видна Голубая мечеть справа вверху и японский ресторан прямо внизу. Обычно он, освещённый, пустовал, но однажды вечером вокруг одного из его столов сидели японцы. Нам было хорошо видно их молчание. Поужинав, японцы уходили строем.

святая софия

Если бы бог был, он был бы там, в Айя-Софье, которая говорит об устройстве мира больше, чем сотни тысяч книг. Вся её наружная тяжесть – для того, чтобы внутри было невесомо: неважно, как выглядит этот рукотворный простор снаружи, он сделан, чтобы находиться внутри него. Всякий входящий сюда понимает, что бог велик, даже если его нет.

ислам

В Топкапы многочисленные тонкие и светлые колонны похожи на аллеи тонких и светлых облетевших платанов. Видно, как из порта на другом берегу Босфора выходит и быстро, на манер рейсового автобуса, разворачивается огромный нагруженный контейнеровоз; остальные корабли тоже двигаются быстро как часы. Я смотрю на бело-голубые изразцы и думаю о том, что ислам чист и светел.

ссора

Мы никак не могли выбрать, где поесть, решили сначала побывать в Бинбирдиреке и из-за голода поссорились. Бинбирдирек был совсем рядом, но мы нашли его с трудом, потому что, спрашивая дорогу у прохожих, делали лишние шаги и кружили. Между колонн, которых оказалось немного, было пусто. Мы взяли кофе и посмотрели на воду в небольшом квадратном бассейне.

пальцы

В Цистерне Базилике много тёмной воды с большими плавными рыбами и все суют пальцы в плачущую колонну.

марки

Почта располагается в каком-то муниципальном здании. Его охраняет полиция, в него входят мужчины и женщины в костюмах.

– Почта?

– Почта, – утверждает полицейский и показывает на лестницу вниз.

Почта в полуподвале. Мы спрашиваем у служащего марок, перечисляя страны, куда хотим отправить открытки, а потом спрашиваем:

– А у вас есть другие марки?

– Другие марки?

– Коллекционные марки.

– Коллекционные марки? Да, у нас есть коллекционные марки.

Он достаёт небольшой кляссер, в котором лежат почтовые блоки. Некоторые из них красивы, и мы выбираем их.

– Вот эти и эти я не могу вам продать. Их я сам коллекционирую, – говорит служащий.

ин май харт

За уличным забором мы увидели могилы. С другой стороны улицы, сзади, нам махал и громко улыбался то ли торговец, то ли официант. Он махал и звал нас каждый раз, когда мы оборачивались посмотреть на него или на пройденный путь. Мы вспомнили, как в первый день продавец магазина на Диван-Йолу, мимо которого мы проходили, провожал нас неспешными и ровными словами: «Диар френдз. Ю ар олвиз ин май харт. Ай невер фор-гет ю».

были?

Мы заблудились в Кумкапы и очутились на площади, от которой вверх, вниз и в другие стороны расходилось несколько улиц. Её пересекал, спускаясь, крупный мужчина с рубашкой, болтавшейся на пузе.

– О! – замахал он нам рукой. – Туристы?

– Туристы! – отвечали мы.

– В Айя-Софье были?

– Были, очень красиво.

– А в Топкапы?

– О, Топкапы.

– А в Голубую мечеть заходили?

– Нет, мимо проходили.

– Обязательно зайдите! Там красиво. Ну, пока! – и ушёл, размашистый, и мы ушли.

ени джами

Мы заблудились в торговых улицах и решили выбираться к Новой мечети. «Ени джами?» – спрашивал я у продавцов, грузчиков, коммерсантов. Все они морщили лбы, рассыпались в громких «саа» и «сола», жестикулировали, но один отвечал кратко, и в его словах не было ни «саа», ни «сола». «Ени джами?» – повторил я. «Ай донт ноу», – ответил он и улыбнулся. Мы заблудились в Кадыкёе, в Султанахмете, снова в Кадыкёе.

дела

За пять дней мы видели всего двух нищих, остальные в этом городе были чем-нибудь заняты. Тихий старик, торговавший парой коробок фиников и фисташками у Египетского базара. Подросток, кидавший на улице Истикляль в стену дома прилипчивых Человеков-Пауков. Продавцы симитов и каштанов. Люди, тащившие тюки в лабиринтах торговых улиц. Человек, который стоял на туристической дорожке, ведущей от Айя-Софьи к Топкапы, и продавал носки с надписью «Hugo Boss»; рядом с носками лежали несколько тюбетеек,

а когда мы шли обратно, он уже сидел и играл на своей багламе, отставив подставку с носками в сторону. И вокруг кружатся остальные миллионы, занятые делами.

симит

Чайки висят в воздухе за паромом. У борта стоит человек, он отрывает им кусочки специально для этого купленного симита. Когда хлеб кончается, человек прячет руки в рукава и больше не смотрит на чаек, он смотрит на берега. Мы тоже бросаем свой хлеб. Это похоже на бесприигрышный баскетбол: еда попадает точно в клювы.

баклава

В последний день было прохладно, мы с чемоданами постояли на Ипподроме, потом постояли у скамеек у мечети Фируз-Ага. На одной из них ворочался человек. Времени до самолёта было ещё много, лир мало. Я решил купить баклавы в кондитерской и оставить немного на трамвай и метро, чтобы больше не менять доллары. Баклава была красивой, хотелось купить каждой понемногу, её продавал молодой рослый турок, он был вежлив. Он наполнил коробку, поставил её на весы, назвал цену. Я пытался объяснить ему, что нам должно ещё хватить на проезд, но он не понимал моего английского (я и сам его не понимал).

– Слишком много, – сказал я.

Он перестал быть вежливым. Он сказал сурово:

– Много?! Да тут каждой настоящая цена – лира!

Я понял, что не смогу объяснить ему, что имел в виду не деньги, а баклаву, и сказал:

– Спасибо.

Арзамас в марте 2009 года

Маму провожали на пенсию в кафе «Золотые купола». Часть продуктов принесли сами. «Колбаса, – увидела работница, разбиравшая сумки. – А разве колбасой поминают?» Поминки, свадьбы, дни рождения – разница невелика; мне кажется, кафе в этом городе и существуют большей частью только для дней рождения, свадеб, поминок. На стенах «Золотых куполов» висят фотографии арзамасских церквей, задник небольшой сцены – сверкающие купола в натуральную величину, а над входом – кириллическая доска: «Человек! Где бы ты ни был, кем бы ты ни был, всегда должен оставаться человеком». Наверное, были прецеденты.

В газетах широко обсуждают обсуждение в передаче ведущего Малахова, прославившего Арзамас случая: капитана милиции осудили за то, что она привела в бордель несовершеннолетнюю; несовершеннолетняя стала с тех пор совершеннолетней и жизнью своей довольна. Пишут корреспонденты, негодуют жители. Вот, например, характерный пример синкретического мышления из «Арзамасских новостей»:

«Передачей просто возмущён. Акцентировать внимание на словах „Арзамас, Нижегородская область“, как это делал постоянно ведущий, считаю необоснованным и очерняющим нашу малую родину в глазах всей страны. Пусть покажут тот населённый пункт, где нет людей, ведущих аморальный образ жизни, – по-моему, это место не на нашей грешной земле». И. Городин, 60 лет, пенсионер.

В криминальной хронике пишут о том, как двое в третьем часу ночи позвонили в квартиру и ограбили молодую пару: тысяча рублей, золотые украшения, два телефона. Через несколько часов грабителей задержали. Свой поступок они объяснили так: хотели потребовать деньги с должника, но ошиблись адресом. На первой полосе «Арзамасских ведомостей» под рубрикой «Реплика» была опубликована реплика:

До чего люди недобрые...

Читаем местные газеты, много объявлений «Приму в дар», а вот «Подарю» почти нет.

До чего люди недобрые – лучше выбросят мебель, одежду, а другим не отдадут! А ведь много богатых...

И. Жуков.

Услышал также выражение «Что хуем заложено, не вырубишь топором». И ещё такое: «Спихнули, как говно с лопаты».

Бутурлино в мае 2009 года

В посёлок Бутурлино, где тренирует детей мой отец, короткий пригородный поезд «Арзамас-Сергач» идёт очень быстро, как пассажирский, а временами даже как скорый. Если в сторону Муромы леса за лесами и всё равнина, то в этих краях – перелески, поля, холмы. И станции другие: не деревянные или из силикатных кирпичей, а основательные, псевдоклассицистические, с треугольными фронтонами. На станции Смагино, где Бутурлино, такой же.

Отец показал мне спортзал на первом этаже общежития сельхозтехникума: купленный им в Москве борцовский ковёр, чёрные чучела, которые он зовёт «невестами», зал с полусамодельными, как всегда у него, тренажёрами. Потом повёл меня на Пьяну, захватив удочку – просто так, зная, что рыба не будет клевать: дул сильный северо-восточный ветер.

Эта река (говорили нам в школе) получила своё имя потому, что извилиста и что от истока недалеко до устья, хотя река довольно длинная, – она как будто возвращается к тому месту, откуда вытекла. Другие говорят, что назвали реку по Пьяному побоищу: незадолго до Куликовской битвы на её берегах хотели биться русские с татарами, но первые перед боем напились, а вторые их пьяных перерезали. Но известно, что река звалась Пьяной ещё до этого события.

Она оказалась полноводной и быстрой, гораздо шире и живее арзамасской Тёши. У самого посёлка сделали дамбу, так что образовалась большая заводь, а через новое русло перекинули длинный и узкий автомобильный мост, за которым бурлят пороги. Я спустился через траву к мысу, у которого Пьяна поворачивает от старого русла. Взлетали утки, в вёслах пели соловьи. Я смотрел на красивую воду, на возвышенности за ней, в полях, лесах и перелесках, и понимал, как осваивали эти места – как плыли по реке, ловили рыбу, делали стоянки, возвращались к хорошему месту, слышал приглушённые расстоянием и временем разговоры, ругань. «Там, – показал отец на даль за рекой, – Большие Бакалды. Там всё в вишне, и музей вишни есть. Ездил туда раз к одному мужику, спину поправлять. Ни хера он мне не помог».

Свежевыкрашенный по весне посёлок цвёл. В центре был сквер с новой детской площадкой. Напротив него центральную площадь украшало огромное тёмно-серое кафе с монументальными буквами «Светлые зори» на крыше. Оно включало в себя закусочную «Бест хаус» – так было выведено разноцветными буквами над одной из двух дверей. Чуть подальше стоял двухэтажный универмаг. В нём, просторном, чистом и безлюдном, с пышными тропическими растениями и большим аквариумом, был супермаркет, в котором стояли и аргентинские, и французские вина, и армянский коньяк двадцатипятилетней выдержки за четыре с половиной тысячи рублей. Рядом был районный центр занятости, а перед ним стенд, на котором висели газета «Бутурлинская жизнь» и два объявления о работе. Одно завлекало на отхожий строительный промысел в Москву и другие города России. Другое было распечатанным электронным письмом от руководителя некоего нижегородского цирка, которому срочно потребовались то ли акробаты, то ли рабочие для выездов за рубеж – с оплатой в евро за каждое выступление. Через дорогу была отремонтированная почта. Там на изобильных стеллажах рядом с полуторалитровыми бутылками пива, стиральными порошками и посудой стояли несколько книг Паоло Коэльо и Бориса Акунина, биография Алексея Второго, а также альбом «Готовим в горшочках». Я перешёл дорогу обратно и дошёл по цветущей аллее с обновлёнными скамейками до ярко-жёлтого торгового центра «Колос», переделанного из кинотеатра, от него свернул на улицы с жилыми домами.

Кроме деревянных домов было много одно- и двухэтажных из силикатного кирпича с примитивными узорами из красного. Таких много и в Арзамасе, и в арзамасских деревнях

и посёлках. Эти дома некрасивы – кажется, что им не хватает самого главного: замысла, – зато прочны. Во дворах росли ели и белые от цветов плодовые деревья. Особенно много елей было в детском саду. Редкие люди неторопливо передвигались, временами останавливаясь посреди дороги, чтобы поприветствовать знакомых во дворах, сидели на лавочках рядом с колясками или курили – тоже медленно. Я снова оказался у общежития сельхозтехникума и по улице Маршала Казакова (он родом из этих мест) и переулкам вернулся к «Светлым зорям».

Рядом с кафе я обнаружил музей – небольшой кирпичный особняк. На двери висел лист бумаги с надписью «Вход – ПЛАТНЫЙ!». Билет стоил 15 рублей. Смотрительница, женщина лет пятидесяти пяти, в очках, с химическими кудрями и голосом, намекавшим на перманентную истерику, беседовала с посетителем, мужчиной в камуфляжной куртке, пришедшим с девочкой. «Давайте с вами так поступим, – сказала она мне. – Вы осмотрите, потом поднимитесь на второй этаж и оплатите». Я начал осмотр тесных комнат с экспонатами, прислушиваясь к разговору. Говорили о старообрядцах. «Это вот старообрядческий крест, – объяснял мужчина. – Восьмиконечный». – «А как вы считаете? – поинтересовалась смотрительница. – А, вы все концы считаете. Надо же, вы мне, можно сказать, прочитали целую лекцию о старообрядчестве. Я об этом, скажем так, движении читала только у Мельникова-Печерского, в художественной, да, литературе». Посетитель начал рассказывать про старинные книги, «с ятями ещё». «Я этого не смогу прочитать». – «У Пикуля вот фолиант». – «Я всех тонкостей не знаю, знаю, что были разногласия у патриарха Никона и Аввакума», – и разговор сошёл на цены на лекарства. «В одной аптеке салициловая кислота стоит тридцать пять рублей, а в другой – двадцать пять, – сообщил мужчина. – Сорок процентов разница». – «Я этого всего не понимаю, – истерически мягко говорила смотрительница. – Государство же должно регулировать».

Висела небольшая и приблизительная копия «Ржи» Шишкина, на которой была добавлена уходящая по дороге девушка. Старинный телефон был подписан: «Телефон». Ткацкий станок был подписан: «Ткацкий станок». Щипцы для сахара были подписаны: «Щипцы для сахара». Лежали две патефонные пластинки: пасхальные песнопения Бортнянского, «Ком. пародия «Парагвай». Сидел деревянный манекен девушки; он напоминал обрядовую куклу для сожжения. Бивень, зуб мамонта, лапти, кочедык, рукомойник чугунный, парадный хомут, украшенный раковинами каури. Одна комната была посвящена камнерезам из местного села Борнукова. Камень, ангидрид, добывали в Борнуковской пещере, известной «с XVIII века, со времён экспедиции П. С. Палласа». В стеклянных витринах стояли небольшие ангидридовые верблюды, тюлень, орёл, ящерица, свиристель, глухарь, утка, партизан в ушанке с патронташем и ПППШ верхом на могучем коне со сказочно пышной гривой. Сейчас промысел сошёл на нет.

«Наталья! Это же немыслимо! – услышал я за спиной голос смотрительницы, которая общалась с молодой уборщицей. – Щётка так и лежит здесь? Мокрая. Как же ты будешь мокрой красить?» Поднявшись на второй этаж, я смотрел на письма из Афганистана, на фотографии интернационалистов, на принадлежавшую маршалу Казакову «абонементную книжку №986 на право покупки билетов в зрелищные предприятия г. Москвы». «Вот вам билетик, – сказала смотрительница, поднимаясь вместе со мной. – Сейчас пять рублей сдачи». «А чей это дом?» – спросил я. Она начала издали: «Горница Силантьевых – на первом этаже, там, где сидит манекен, это горница Силантьевых, владельцев дома. Дом построен в так называемом в разговорном языке стиле провинциального классицизма. Этот достаточно скромный дом самый яркий в посёлке. У них был небольшой бизнес, они продавали пряжу, возили её в северные районы. Имеются в виду не северные районы области, они возили в Архангельск, благодаря матушке-Волге». Когда я уходил, на столе дожидался следующего посетителя новый билет.

Тренировка была на стадионе – играли в футбол на половине футбольного поля с воротами, стоящими поперёк, у боковых линий. Дети – около двадцати мальчиков и одна девочка – были поделены на оранжевых и зелёных: поверх одежды на них были лёгкие синтетические жилеты. Отец свистел в свисток и говорил не глядя: «От ворот. Штрафной зелёные бьют. Ушёл. Угловой». Руки он держал за спиной и был горд своей работой, пряча улыбку козырьком кепки. Я давно не видел отца таким спокойным. Он сел рядом со мной на трибуну. «У этого отец с матерью разошёлся, – кивал он. – Теперь с отчимом, а отец с другой сошёлся, она дочь недавно от него родила. Вон, чего-то получил, – показал он на мальчика, который прибежал к стоявшему на беговой дорожке мужчине. – Тоже вот отец, пришёл, с матерью его не живёт. Лопают, хули. А у неё не поймёшь, четверо детей, и все от разных. У того тоже отчим. Почти все тут такие, безотцовщина. Во всём посёлке. У этого мать работает в одной фирме, сошлась с начальником, ребёнка от него родила, живёт с ним, а отец тоже с другой сошёлся, она тоже уже от него родила». Я смотрел на игру и думал, что так же, как эти дети, чувствовал себя в детстве: играл, не зная о другом мире, и мне хватало собственного, ограниченного горизонтом или – на время – краями футбольного поля.

В этом посёлке так мало лишних движений и так мало движения, что, кажется: ничего не меняется, только дополняется, и когда наступают плохие времена, наступают плохие времена, а не смена времён. Волны времени тут амортизируются, затухают, оставляя на берегу случайные диковины от щедрот переполненного мира – трансформированные до неузнаваемости и произвольно соединённые обрывки чужих идей, щипцы для сахара, раковины каури, патефонные пластинки с комическими пародиями, двадцатипятилетний армянский коньяк. И обязательно будет день, когда кто-то, у кого здесь есть деньги, потратит их на эту бутылку – для подарка заезжему начальству, для похвальбы, для куража. И если выпьет её сам, поставит пустую бутылку на память, чтобы она осталась навсегда. А потом приедет новый Паллас и откроет что-нибудь ещё, что было под боком, но никого не интересовало, потому что хватало пахоты, сева, урожая, дней и ночей, хлопот.

Вокзал на станции был закрыт, и не у кого было купить билет. Но немногих людей, которые постепенно собирались, это совсем не волновало: приехал бы поезд. Среди будущих пассажиров были две неплохо одетых девушки с дорогими сумками. Они, наверное, ехали в Арзамас на учёбу, чтобы потом в нём остаться и опустошить родные места, как я и подобные мне опустошили свой город, уехав в Москву. Деревянный туалет у вокзала оказался внутри чистым и сухим, я таких и не видел ни разу на станциях – живут же люди, попадают в очко, не вокруг. Проехал красивый и чистый поезд «Москва-Чебоксары», мелькнула, проехала женская рука, голая до середины плеча. Этот чистый самодостаточный посёлок, подумал я, из тех, которые едва замечаешь в разговоре с поездным собеседником, пока сидишь на боковом сиденье после обеда, перед ужином.

Я смотрел на перрон и запоминал: с черемухи слетают мелкие лепестки, собираются на платформе, бросаются вскачь врассыпную, прыгают легко, пружинят, вертятся, затевают быстрые свои белые смерчки-хороводы, а потом наперегонки катятся к краю платформы, чтобы упасть на камни путей сообщения и больше не подниматься – разве чтобы прыгнуть раз и улечься поудобнее.

Александров в июне 2009 года

Этот некрасивый город напоминает первую полосу собственной газеты «Деловой Александров». Она выглядит так: небольшой логотип в левом верхнем углу и ужасно некрасивая разноцветная реклама на остальном пространстве. Центр Александрова состоит из плохо сделанных советских или плохо сохранённых досоветских домов, завешанных – порой почти полностью – вывесками и рекламами (преимущественные цвета настырные, шрифты – бесплатные). Названия на вывесках неординарные: пирожковая «Подмосковник», землеустроительное предприятие «Владимирские земли-А», супермаркет «Хороший», кофейня «СССР», некоммерческое партнёрство «Его величество закон», ООО «Эге Энергострой», магазин платьев и костюмов «Час торжества», продуктовый магазин «Вершки и корешки». По разбитым дорогам вдоль разбитых тротуаров ездят автобусы с крупной надписью «Благовест» на боку. Над центральной улицей висит перетяжка «Недвижимость в Болгарии от застройщика», говорящая о том, что и здесь есть люди, которым по карману заграничная собственность.

(Этот город можно также сравнить с женщиной: не слишком счастливой, свои лучшие годы уже прожившей, но в принципе добродушной и простодушной, называющей своё лицо не иначе как «рожей» – и относящейся к нему соответственно. Она загораживает его огромным количеством ненадёжной косметики, чтобы привести «рожу» в человеческий, как она считает, вид. Если бы же она относилась к нему как к какому-никакому, но лицу и вместо такого приукрашивания занялась бы заботой – то, наверное, было бы лучше.)

Мы были в Александрове за шесть лет до этого. С тех пор здесь появилось довольно много кафе – есть даже суши-бар и пиццерия (она называется «Пиццалэнд» – уезжая, мы зашли в неё; салатово-оранжевые стены, в большом зале квадратные столики и два посетителя, на кассе неожиданный негр в бейсболке, уже, впрочем, обрусевший: обсчитал на двадцать пять рублей и не повёл ни единой бровью). Работает и столовая, в которой мы в первый приезд обедали котлетой, покрытой слизистым светло-коричневым соусом, и рисом со вкусом прудовой воды. Сейчас это место называется «Учебно-производственная мастерская ОГОУ НПО ПУ-28. Закусочная» – название более чем подходящее. На пустом поле у городского собора всё так же взмывает знамя женщина-столпница; когда-то на постаменте держалась одинокая буква «О», теперь никаких знаков, и гранитная плитка отваливается за гранитной плиткой. Под женщиной, у кустов, выпивали двое.

Даша проголодалась, и мы зашли в чебуречную. За одним столом женщина с мальчиком ели чебурек. За вторым столом сидели три работницы чебуречной и ели борщи из пластмассовых тарелок. Над прилавком телевизор показывал иранские демонстрации. Одна работница отложила ложку и пошла за стойку, но мы решили поискать место получше. Вскоре через дорогу увидели закусочную, в которой было пусто совсем. На стенах висели репродукции картин: «Охотники на привале», брюлловская «Всадница», «Венера» Боттичелли, в оригинале прикрывающая причинное место волосами, а тут, похоже, мочалкой. Из подсобного помещения вышла женщина с платком, повязанным на голове широкой светлой лентой. Мы спросили насчёт пирожков. «Чебуреки есть. Есть с мясом, есть с капустой, – отвечала она. – Но с мясом мне не очень понравились. Возьмите с капустой, там тесто вкусное, тонкое». Мы было собрались уходить, как она разглядела Дашу: «А-а, так вот это для кого. Ей, наверное, мороженого надо. Или молочный коктейль». Даша растерялась. Мы попросили мороженого и кофе и сели за стол, накрытый тяжело-малиновой скатертью и гибкими пластиковыми подставками с фруктовыми изображениями. «Вот, вкусное мороженое, – принесла она в стеклянной вазочке три шарика, от души посыпанных тёртым шоколадом. – Оно не очень холодное. С холодильником что-то случилось, от жары, наверное. Но оно свежее, не бой-

тес, и ребёночку хорошо. Всё свежее, шоколад при вас натирала, ешьте на здоровье. Дети – единственное, что я люблю в этом городе. У меня у самой два внука. Вашей сколько, три? Ой, пять? А такая маленькая. Ничего, ничего, у меня старшая внучка тоже маленькая была, а потом за год нагнала. У неё и попка появилась, и тут вот тоже. Теперь волнуюсь, когда она среди сверстников. С балкона смотрю». Пospел кофе. Она рассказала нам о младшем внуке, тоже бывшем маленьким, но теперь подрастающем. «У меня есть для вас подарок, – сказала она вдруг и вынула нам бусы из больших синих искусственных камней. – Это мне подарили. У меня есть один мужчина-поклонник. Но они же для молодых, а я уже... Вот ещё пакетик, „С новым годом“, у вас благодатная семья».

Рядом с этой радушной закуской – филиал художественного музея с выставкой «Блестящий мир»: портреты фантастических существ, нарисованные фантастическими красками, провинциальные сны о чём-то большем. Через дорогу – сам музей, с экспозициями «Магия камня» и «В гостях у Дуняши». Он расположен в бывшей усадьбе купца Первушина и красив снаружи тонкими деревянными деталями, но внутрь заходить что-то не хочется – как не хотелось и шесть лет назад. Рядом парк культуры и отдыха. Под высокими деревьями пустынно, только шестеро-семеро детей вместе с родителями играют на огороженной детской площадке, вход на которую платный: «Игровой городок». Стенд перед входом обещает аттракционы зимой.

Александровский кремль, ради которого приезжают в город туристы, тих, опрятен и беден – и совсем не похож на бывшую столицу Московского царства, которой он был при Иване Грозном, удалившемся сюда ради опричнины. Подле круглой угловой башни устроено бездомными лежбище. Оно защищено кустами и стеной, на землю накинута для теплоты одежды, хозяева отсутствуют. Рядом с кремлём ровная и ещё чёрная дорога: тут ездят туристические автобусы, бывает, что и с иностранцами.

Музей делит кремль с Успенским женским монастырём, основанным здесь в семнадцатом веке и прерванным на советское время. У дорожек разбиты типичные для монастырей благоухающие клумбы, в дальний угол вход запрещается табличкой – на этом монастырское заканчивается. В здания, отданные музею, стоит зайти только ради того, чтобы попасть внутрь: увидеть тесные и душные помещения с низкими сводами, которые привечали и охраняли царственных особ. Экспонаты по большей части неинтересны: копии картин с Иваном Грозным, зажатое в колодки чучело. Но в Успенской церкви есть удивительная икона «Страшный суд», запомнившаяся нам и в прошлый раз. Возле неё можно провести не меньше часа, разглядывая тщательно выписанные фигурки – сребролюбцев точат серебряные червячки; некто с чёрным хвостом вместо ног помешивает на сковороде грешников; из открытых гробов восстают голые мускулистые мертвецы и устремляются в молитвенной позе к огненным ангелам; беснуются чёрные черти с белыми звериными когтями, а сверху, чем выше, тем более одетые, обрамляют вознёсшего меч сияющего Творца окутанные облаками праведники. Ещё хорошо подняться на шатровую Распятскую колокольню, чтобы посмотреть с высоты ласточкиного полёта на прекрасный и лёгкий белый, как всё здесь, Троицкий собор, построенный Алевизом Новым, на гуляющих по дорожкам чёрных монахинь и цветных туристов – и на обрамлённый арочными проёмами зелёно-серый город вдалеке. На стенах граффити: «Суслик+Ленка», «Уралмаш», «Саня Мордовия» – наглядное свидетельство тому, что русский народ безоговорочно победил безграмотность.

У Троицкого собора в небольшую дыру старого дерева ныряла галка. «Я так и знала, что мы за час управимся», – говорила дама в розовых штанах господину с бородкой. Закончился шахматный турнир «Царские игры». «Как вы сыграли?» – интересовался у худого старика в серо-синем костюме и светлой рубашке подвижный его ровесник, похожий на радио-корреспондента: на плече висел магнитофон в кожаном футляре. «Ничья, – отвечал тот. – А там было без вариантов. У него по пешкам, пять штук. И ладья – и на дэ четыре, и на аш

четыре». – «Ну я вот думал, что пешку съест». – «Он и съел». – «Ну ладно, – пошёл корреспондент по траве. – Протокольчиков нам – парочку – дайте». Несколько человек пронесли связки шахматных досок.

Напротив кремля сувенирные лавки. В одной из них я увидел деревянные расписные волчки. Стоящий перед прилавком мужчина, судя по виду, православный, но себе на оздоровительном уме, нахваливал: «Владимир Полуэктович вытячивал, а Галина Сергеевна раскрашивала. Они и для здоровья полезны. Если раскручивать волчок большим и указательным пальцами – это развивает работу желудка, если большим и средним – улучшает работу кишечника, большим и безымянным – печень, а большим и мизинцем – укрепляет кровеносные сосуды. И ещё я вам скажу секрет, чтобы вы дожили до двухсот лет: парное козье молоко. Помогает от белокровия, бесноватости, а если глазки помазать, от прогрессирующей слепоты вылечивает. Так что купите козу». – «И козла», – заметила из-за прилавка более спокойная Галина Сергеевна. – «Ну, это если для размножения», – неудачно закончил Владимир Полуэктович. Волчки большей частью напоминали раскраской александровские рекламы, мы выбрали более-менее гармоничные, но Даша твёрдо решила взять самый розовый. В соседнем магазинчике мы купили сергиевопосадскую куклу с приличным лицом и пальцами, словно отрубленными посередине топором. На ярлыке она называлась Дюймовочкой, но продавщица назвала её Катей. Даша назвала её Катей тоже. «Мне нравится имя Катя. Красиво, когда в имени есть буква „а“. И ещё какая-нибудь другая буква».

Сергиев Посад в июне 2009 года

В стороне от Лавры на зелёном пригорке прячется за деревьями красно-белая Ильинская церковь. Рядом шумят машины (по их скорости можно понять, что в Сергиевом Посаде привыкли жить быстро, что это большой город), но всё-таки тихо, а вокруг одноэтажные частные дома, как будто не было ни революций, ни прочего: постепенная жизнь, храм у дома, в такой же траве, как и он, не отделённый площадью, а вписанный в небольшое свободное место. В таких местах, рядом с которыми человеку уютно жить, понимаешь, как много потеряно, променяно, выломано.

Лавра переполнена цветным человеческим движением. Мужчина с фотоаппаратом с сильным объективом снимает смиренного молодого нищего с бородой. Тот застыл посреди шума с кружкой в руке. Фотограф приседает, старательно выбирает ракурс, нищий сидит, не моргает. Фотограф снял, отворачивается, смотрит в экран на результаты, нищий не шелохнётся. На центральной советской площади шумит День молодёжи. Гремит музыка, как будто её издают все окружающие здания, от неё не скрыться – не в этих же кафе, всех как одно полутёмных, подвальных или завешенных тяжёлыми шторами – чтобы свет не касался пищи, не открывал её тайн. У подземного, ведущего к Лавре, перехода висят благочестивые ковры. На берегу Кончуры уткнулся лицом в тёплую землю человек. Ещё трое распивают под деревьями у воды, и одна из них женщина. На другом берегу по зелёному лугу ходит белая невеста. В часовне над Пятницким колодцем лежит бесплатная православная газета «Возглас»: «Клиника Практической Медицины XXI. Православные традиции. Маммология, хирургия, проктология»; «Православное агентство недвижимости с Божией помощью поможет продать, купить, обменять Вашу квартиру в Москве и Московской области»; «Кресты. Намогильные, поклонные и голгофы из дуба, тика, ироко. Пропитка антисептиком, покрытие корабельным лаком «Тиккурила». Вот и всё православие.

Но больше всего запомнилось не это, а то, что, оказалось, забылось. Мы сели на лавочку отдохнуть от жары, смотрели на очередь, упершуюся в Троицкий собор, и показывали Даше цветущий за лавочкой барбарис. «Что это?» – спросила придвинувшаяся маленькая девочка. «Барбарис», – сказали мы. И ещё – пух вылезал из тополей настоящей ватой.

Коктебель в июле 2009 года

Мы прибыли в Коктебель из Феодосии на теплоходе «Иван Кожухарь». Регулярное морское сообщение тут отсутствует, но ходят туда-сюда экскурсионные теплоходы и катера, есть ещё «Иван Поддубный» и «Иван Голубец», а также другие имена. Мы решили, если получится, остаться тут на пару ночей, а если не получится, ехать обратно в Ленино на автобусе.

Но никто не хотел пускать к себе на две ночи ни на улице Стамова, ни на улице Королева, ни на улице Победы. Стоявший на перекрестке разводящий сказал, что есть недалеко, но не люкс. Он привёл к испитой на вид женщине. «Ты почём говорил?» – спросила женщина. «По шестьдесят», – ответил разводящий. «Я уже по семьдесят говорю», – предупредила она неизвестно кого и повела нас по бесконечному извилистому двору к самому последнему его углу. Там приткнулась конура с двумя кроватями, в которой раньше, по всей видимости, жила большая собака. Потом были другие бесконечные дворы с цветами, с завешанными тюлем дверями, с сидящими на дорожках разноцветными кошками, с отсутствующими хозяевами. «Возьмёте?» – спросил я у стоявшей у забора в бездействии женщины. «Оминя тылько два человека», – ответила она, с трудом отделяя слова. Через два дома бодрый пожилой мужчина отказывал в месте компании из шести молодых. Среди них была мулатка, они приехали на микроавтобусе. «У меня только четырёхместный, – говорил хозяин. – Платите за шестерых. В этом районе начинается от двенадцати долларов». Молодежь безуспешно торговалась. «А трёхместный сдадите на две ночи?» – спросил я. «На одну ночь сдам, если утром уйдёте. Завтра люди приезжают», – ответил хозяин. Мы снова ходили, а Даша, сидевшая на моих плечах, спрашивала сверху: «Когда же мы найдём жилище?» – и подбадривала: «Если чего-то сильно хочешь, это обязательно сбудется!» Дойдя до какого-то безысходно-вонючего тупика с загородившим его КамАЗом, мы вернулись на прежнее место. «Сколько стоит на одну ночь?» – спросил я. «А вы в восемь утра уйдёте?» – ответил мужчина, ещё не закончивший с шестерыми молодыми. И мы решили сначала разобраться с другой задачей: Даша хотела какать. Найти туалет тоже оказалось непросто. Один был закрыт, а во втором пускали только по-маленькому: отключили воду. Ксения возмутилась, их пустили.

Можно было вернуться на корабле в Феодосию – нас высадили на полтора часа, – но мы не успели бы ни на один автобус в сторону Ленина. Можно было уехать на автобусе, но единственный автобус до Щёлкина уже ушёл. Оставались варианты с пересадками и такси, и мы решили сделать последний обход. В первом же угловом доме нам сдала белую комнату хозяйка с полным ртом золотых зубов. Ксения разговорила с ней, сказала, что мы приехали из Ленина. Та не знала, где это. «Там ещё Щёлкино», – уточнила Ксения. «А это что, тоже на море?» – ответила хозяйка. Про Щёлкино она знала только то, что там строили АЭС. В соседях у нас оказались поляки: парень с коротко стриженными висками и затылком и черноволосая девушка. Вечером они шептались в беседке по-польски, то есть шептал в основном парень – и ставил негромко запись какой-то польской рок-группы. Музыкального смысла у музыки не было: слышался только чихающий против чего-то протест. Я назвал соседей гостями из города Апчхирь.

На следующий день мы узнали, что делает «Иван Кожухарь», когда высаживает на время экскурсантов в Коктебеле: набирает новых и плывёт в Курортное. «Лукоморье – это доисторическое название Чёрного моря», – нёс по пути громкий женский голос, а после принялся перечислять названия карадагских скал: тут были и чёртовы раздвоенные копыта, и сфинксы, и Нефертити, и профиль не только Волошина, но и Пушкина. «Мы-то с вами образованные люди, поэтому представим что-нибудь другое», – объяснял голос переход

от татарских фантазий к постсоветским. Карадаг оказался не чёрным и не каменным, как я думал, а каким-то земляным, коричнево-красноватым. Курортное напоминало местность, подвергнутую ядерному удару: на горе стоял брошенный недостроенный пансионат, из воды торчал огромный бетонный куб.

В Коктебеле было не лучше. С тесной набережной не было видно ни моря, ни холмистой красоты. Всё было заставлено ларьками, лотками, киосками, мангалами, увешано тряпками, тапками, кепками, полотенцами, китайскими и не китайскими пепельницами, чесалками для пяток, ёршиками для унитазов с залитыми пластиком ракушками – а в узком проходе продвигались отдыхающие, ошалевшие от этого первоначального накопления капитала, который всё никак не накопится, всё никак не разовьётся во что-нибудь путное.

«Приглашаем на популярную экскурсию на деревянной яхточке, сделанной под старинный корабль», – зазывали в мегафон. «От имени всех дельфинов Чёрного моря», – доносилось из дельфинария. По пляжу ходила бойкая тётка, разносила кукурузные палочки: «Участвуйте в игре! Покупаете пачку кукурузных палочек и получаете приз. Кто ещё желает поучаствовать в акции? Игра называется „Кукурузные палочки“. В приз входят денежные единицы, аксессуары на мобилку, косметика. Влаживается от пяти до ста гривен. Кто ещё желает поиграть в игру? Татуировочки, сувениры здесь хорошие, дорогие. Приятного удивления! Я же вам говорю – будет сувенирчик либо на мобилку, либо на рюкзачок».

Ночью я открыл бутылку коктебельского шардоне и разлил в хозяйский стакан и хозяйскую чашку. Так себе было вино. «Пржебышчепшыштепчеш», – доносилось из соседней беседки.

Арзамас в октябре 2009 года

В кинотеатр «Искра» приехали на гастроли шубы российских фабрик. Ловкие молодые люди лихо гоняли шубы по кронштейнам, демонстрируя нужные экземпляры. Их тугие животы поддерживались сумками-ремнями, набитыми деньгами. Одевали лейтенанта милиции, молодую женщину с зажившими после подросткового возраста угрями, – подавали то одну шубу, то другую, а та поворачивала своё стройное лёгкое тело перед зеркалом и перед подругой. Звучали «Белые розы» и «На земле мы все не вечные», началась «Бодрячком, пацанчики», но вовремя и предупредительно поставили следующую песню.

Две девочки-младшеклассницы с портфелями за плечами, в ярких куртках и ярких шерстяных шапках, обменивались или хвастались друг перед другом альбомами с наклейками. У одной девочки наклейки, полусвёрнутые, были наклеены на губах, на щеках и на подбородке. А с портфелем мальчик заметил на завалинке уже нежилого деревянного дома на улице Кирова зелёно-полосатого котёнка – поднял его, опустил, погладил, поманил за собой, и котёнок двигался так, словно сам не знал, идёт он за мальчиком или не идёт.

На перроне, в переулке с остатками водонапорной башни, стояли автозак и десяток людей в бело-серо-голубоватой камуфляжной форме, вооружённых автоматами и собаками. В вагоне на нижнем, одиннадцатом месте, спал на животе грузный мужчина, одетый в майку и семейные трусы; между его сжатых ног лежало обтянутое поблескивающей и гладкой мошонкой большое яйцо.

Арзамас в декабре 2009 года

1.

В зимней церкви, в которой я давно не был, стало, кажется, больше золота. Идёт утренняя служба, я гляжу на мерцающее совместное богатство вокруг некрасивых шапок и верхних одежд, думаю о том, что все тонкие свечи – это умершие люди, о которых ещё помнят. Служительница гасит свечи, сгоревшие на четверть, на треть, бросает их вниз, в ящик, пускает в дальнейший оборот. У дверей, реагируя на входящих, смотрят в окно и болтают ногами и так, три цыганских подростка. В глубине слева скопление, я обхожу его слева, вижу крепкого священника, который торопливо читает перед людьми – пожилые и старые женщины, четыре-пять мужчин. Закончив, он оборачивается, выговаривает: «Перед причащением надо не есть, не пить, поститься. Вчера вот праздник был, почему не причащались?» – «Работа. Работали. Работа», – нестройно, поодиночке, тихо отвечают люди. – «Работали. А сегодня выходной». Он делает начинающий жест, к нему двигается пожилая женщина в платке, но он сообщает ей, снова жестом, чтобы обождала, и выводит стоящего позади высокого мужчину лет тридцати со сжатым лицом. Мужчина сгибается, становится на колени, священник накрывает его зелёным длинным отрезом ткани и склоняет к нему ухо для исповеди.

Когда-то, ещё не крещёным, читая антирелигиозные стенгазеты в детской поликлинике (о негигиеничности креста, который целуют сотни людей) или в тёмном школьном коридоре (ракета с космонавтом разрывает телефонный провод, соединяющий чернобородого попа в колокольне и белобородого бога на облаках) я думал, что когда умрут старухи, которые только и ходят в церковь, вера в бога исчезнет сама собой. Позднее, в те времена, когда весь город вышел на улицу в радостном ожидании приезда патриарха с мощами Серафима Саровского, когда я читал вперемешку Джека Лондона и репринт имкапрессовского «Закона божьего», я входил в храм с благоговением и со страхом думал о том, что будет, если у меня случится эрекция. Сейчас я стою и вижу, что слишком много золота, что бога в этой зимней церкви нет, что эти люди мне чужи и непонятны.

На остановке «двойки», по дороге на кладбище, встретили женщину, с которой жили в общежитии; лицо мне знакомо. «Ну как же, – говорит она. – Серёжа, мальчик больной». Я понимаю, что она говорит о своём сыне, но я уже не знаю ни сына, ни её. «Помню, ты маленький был, – продолжает она, – играли в коридоре, а мама тебя зовёт: „Рома, домой“, а тебе не хочется, но ты идёшь, всегда с первого раза шёл, не сразу, но шёл». Мы все память друг о друге, и большая часть памяти о других хранится в нас совершенно случайно, по смежности, затерялась, как на внешнем накопителе, не имея для нас значения, но я всегда чувствую себя странно, когда узнаю от другого память о себе, не совпадающую с моей собственной: я сомневаюсь в идентичности самому себе. «Кто этот больной мальчик? – спрашиваю маму. – Этот Сережа Антонов?» – «А жили они почти напротив. Он сейчас всё в автобусах ездит, на поминки ходит, отец с ним всегда здоровается». – «Зачем ездит?» – «Да просто так. Катается». И когда мы приходим на кладбище, я снова спорю внутри с Толстым, который зря обобщал своё. Мне рядом с мёртвыми жалко мёртвых, не себя. Об этом три слова, они тут почти на всех памятниках, они кажутся потерявшими значение, но они главные и точные: «Помним, любим, скорбим».

2.

В ДК «Ритм» заканчивается юбилейный концерт ансамбля пожарных «01». В зеркальном фойе ничего как будто не происходит, но всё-таки происходит. Мужчина ошибается дверью туалета; «Чего хотели?» – поправляет его охранник. Одеваются четыре девушки. Пере-

говариваются две гардеробщицы, идёт время. Выходят люди, всё больше и больше: «Глотки лужёные». – «Молодцы ребята. Молодцы». – «Какая там фанера!» Встречаются и крепко обнимаются двое мужчин; первый словно сейчас расплчется от радости, а второй похож на бобра: «Фёдор Иванович. Здорово!» – «Здорово, дорогой. Как дела?» – «Нормально». – «Нормально?» – «Нормально. Ты как?» – «Нормально». – «Нормально. Где трудишься?» – «В шиисят четвёртом». – «В шиисят четвёртом?» – «В шиисят четвёртом». Выходит и мама: «Хорошо пели. За пятьдесят рублей целых два часа. Чувствуется мужская сила. Особенно вот в стариках. Ну, они уже полковники, подполковники. Трое молодых было ребят, музыкальное училище закончили».

Продолжается воскресенье. По городу ходят солдаты, получившие увольнительную: курят сигареты, покупают зубную пасту, ходят, сопровождаемые родителями и сёстрами; их зелёные пятнистые фуфайки перетянуты широкими ремнями так туго, что кажется, будто на них надеты пышные толстые мини-юбки.

3.

У вокзальной остановки на втором Арзамасе старуха, торгующая пирожками, громко, как будто боится, отгоняет мужичка, похожего на монаха: «Дурак ёбанай. Уябывай отсюда». Мужичок что-то отвечает, но его не слышно, но он не уходит. Чуть погодя за него вступается небольшая бабёнка, непонятно откуда взявшаяся. Потом они вместе доходят до остановки, и сначала переговариваются как незнакомые, о старухе вообще, но потом как-то становится ясно, что это пара. У мужичка острая бородка, на голове чёрная шапка, на воротнике чёрной телогрейки вышиты ангелы, у его женщины, похожей на цыганку, шуба из коричневого искусственного меха и золотые зубы. Приезжает «единица», они усаживаются, не переставая переговариваться и уже переругиваться. «Мужчина, что у вас за проезд?» – спрашивает кондуктор. «Проездной!» – сначала говорит он. «Один на двоих!» – говорит он потом и медленно набирает мелочь, выводя кондуктора из себя. Его интонацию трудно определить – она кажется и шутиливой, и почти безумной: у него хитроватые глаза, но эта хитрость ни на что не направлена. Громко и бесцельно мужичок и бабёнка ругаются всю долгую дорогу, по которой автобус объезжает город, меняются точками зрения, пользуясь языком по инерции, не обращая внимания на пассажиров, которые время от времени пытаются осмыслить и завершить эту речь. Перед моей остановкой они встают перед дверями, передо мной, я выхожу вслед за этой скорбной потерянной женщиной, а её мужчина, стоя в открытых дверях, орёт что есть мочи, до хрипоты: «Куда-а-а-а!!! Куда!!! На следующей!!! Куда-а-а-а!!! Куда пошла-а-а-а!!!» Автобус терпит, а женщина то пройдёт немного, то встанет, то стоит.

Крым в августе 2010 года

харьков

Люди катят чемоданы среди вышедших на жаркий ночной перрон пассажиров. Здоровый, но не толстый, а просто большой, как бык, бритый мужчина в шортах, из которых вырос мощный голый торс, всё ищет воды. На его шее спокойно лежит золотая цепь толщиной с его же глаз. «Сигареты, обеды горячие!» – суется вокруг женщины с безумными от торговли глазами. «А воды нет?» – спрашивает мужчина. – «Вареники с картошкой!» – «А воды нет?» – «Ну мы же называем», – останавливаются и снова бегут торговки по перрону. – «Вы бы ещё сухари, блядь, носили!» – «Руслан! – кричит тётка с варениками в конец платформы. – У тебя есть вода? Руслан! Вода есть? Вон, молодой человек, вода!»

У нашего, шестнадцатого вагона, останавливаются женщина и девочка-подросток. «Где же двадцать первый?» – спрашивает женщина, видя, что впереди всего два вагона. Она опускает сумку на перрон, ищет в сумке. Суматоха, катят, перемещают чемоданы, сумки. Ещё одна женщина несёт на руках спящую девочку, светлые волосы которой выпрямились вниз и немного покачиваются. За идущим мужчиной качаются в воздухе три жёлтых воздушных шара в виде голов с рожками. У входа в вагон беседует с проводницей наш новый, вошедший в Харькове, сосед. «Мне нравятся деньги, – говорит он. – Нравится делать бизнес. Завтра я уже обратно». Он сошёл в Новоалексеевке.

джанкой

Семнадцатый, прицепной «Орёл-Керчь», два прицепных «Харьков-Керчь». Где же двадцать первый? На первом пути стоит облезлый жёлто-синий поезд «Киев-Симферополь». К последнему вагону с покрашенными белой краской окнами присоединился автозак: его дверь отворена в отворённую последнюю дверь вагона. Место окружено милиционерами. Между дверями происходит событие. События происходят вокруг. За забором струи фонтана обливают с головой станционные розы. Горят на солнце капли и брызги, вода сбегает по листьям, бледно-розовым крупным бутонам. Я покупаю воду и лимонад. «Воду всю поставь, чтобы видно было, чтобы люди покупали, – говорит хозяйка палатки продавщице. – Всё у тебя будет хорошо. И следи, чтобы вокруг киоска чисто было».

семёновка

Большой палец в воде, остальные в воздухе – хочешь взять эту мягкую зелёную воду, но она обтекает ладони. Когда приезжаешь сюда каждый год в одно и то же время, кажется, что это место всегда такое, тёплое и неподвижное.

татарская бухта

Днём по пляжу бродит красная курица. Днём по пляжу бродят красные курицы. Днём по пляжу бродит красный петух. Сухой старик в камуфляжной кепке входит на костылях в море и в воде, опираясь на костыли, приседает. У него седая борода и нет передних верхних зубов. Дальше по дуге залива висят разноцветные кайты. Ночью Кассиопея прячется в Млечном Пути, а волны набегают на освещённый фарами песок. Падают метеориты. На той стороне ночи видны огни Золотого.

ленино

На рынке в Ленино, на самом входе, торгует чаем негр. Я рассказываю об этом и слушаю воспоминания: «А тут и были два негритёнка. Она была акушер-гинеколог, вышла замуж за негра и уехала в Эфиопию. Еле оттуда вырвалась. Оказалось, чуть ли не сто два-

дцать жён. Сначала детей отправила, потом сама приехала. Мальчик и девочка. Она их на пляж привозила, всё время отдельно купались, как дикие. Все на них смотрели. Она потом в России где-то работала, а дедушка с бабушкой воспитывали». – «Да они где-то здесь вот жили, я помню». – «Да, где-то здесь жили».

ильичёвка

Она лежит на спине и умирает, и по-детски смотрит через лоб, кто к ней пришёл. Она ждёт, что это будет чудо. Её ноги и руки высохли и посинели. Пальцы на ногах отогнула болезнь. «А врачи?» – «Да приезжали врачи, сказали, анализы хорошие. Анализы хорошие, только лежит и не встаёт». В серванте лежит листок с диагнозом: полторы страницы неразборчивого перечисления.

ленино

Одиннадцать или даже нет ещё одиннадцати. С одной стороны вокзала площадь автостанции, с другой – железнодорожные пути. На автостанции, у магазина, стоит под деревом красная «шестёрка». Возле неё двое полувековых мужчин. Один из них, в белой длинной майке, – хозяин машины. «Да ты хоть понимаешь, что ты натворила? – со спокойным гневом обвиняет он по телефону. – Мне сейчас надо ещё ехать и штраф платить. Ты хоть знаешь, каких трудов стоило их достать?» По перрону бродят три пьяные молодые женщины, одна из них – в обнимку с пьяным мужчиной в красной футболке и жилете со многими кармашками. То они зайдут в вокзал, то в магазин, то в ларёк, то вместе, то рассеиваются, то хохочут, то ищут друг друга, и у всех в руке по бутылке светлой «Оболони». «Таня! Где ты ходишь! Таня!» – зовёт подругу подруга с постаревшим от алкоголя лицом, в белом платье из плохой непослушной ткани. Таня выходит из-за вокзала с кавалером. У той, кто звала её, падает на асфальт бутылка пива и разбивается. По станции разносится запах. «Таня, блин, – вызывает женщина в белом. – Зачем я ехала в это Ленино? У меня там двое детей, ёбаный в рот». Таня смеётся, кавалер смеётся, третья подруга воздерживается. «Отправляется автобус «Щёлкино—Симферополь», – объявляют из будки автостанции. Пассажиры стоят у первой двери автобуса. «На второй путь прибывает поезд «Москва—Керчь», – объявляют на вокзале. Вдалеке встают перед переездом автомобили. Тяжёлый красный тепловоз подтягивает состав к станции. Поезд въезжает на станцию, застывают изгибы деревьев, время замирает, светопись длится. Тяжёлый красный тепловоз гудит: перед ним переходят через рельсы парень и женщина с велосипедом. Из разноцветных вагонов на узкую платформу выходят проводники и скидывают красные флажки. Перед вокзалом ходит девушка, на спине, у ягодиц, висит у неё мегафон, вещающий мужским голосом: «Обмен валюты! Самый выгодный курс! Обменный пункт на перроне! Два пятьдесят пять с половиной!»

ленино

Под деревом сидят три смутные фигуры парней. «Я сегодня „Одноклассников“ смотрел. Вот я, ебать, блядь, смеялся», – говорит один. Под грецким орехом прыгнула и застыла лягушка с тёплой кровью. А сколько звёзд!

щёлкино

«У меня знакомая квартиру сдаёт, сама живёт летом на даче. А дача металлический вагончик, в жару раскаляется. Да и страшно, дача далеко, людей вокруг нет. Но к ней ездят только кто раньше был, звонят ей. Ещё вот одна сдаёт. У неё чистота как в церкви. А сама ночует как жучка – то у Зойки, то у Любки. Но – поступают по-свински, то сетку сломают, а она сто рублей. То стаканы разобьют. Ну ладно, разбил – сходи да замени; так ничего не сказали. А в тот раз чайник сожгли».

семёновка

Мальчик и мужчина стоят у самого берега и смотрят в воду. Они делают шаги и опускают в воду руки. В жаркой воде отталкивается хвостом медленный пиленгас. Ему трудно дышать, ему хочется, чтобы с ним сделали что-нибудь наконец. Мужчина хватается пиленгаса и поднимает его в воздух. Все смотрят на пиленгаса. Женщина берёт пиленгаса и опускает в пакет.

ленино

«Плавочки здесь достаточно глубокие, не переживайте» – «Да я мокрая». – «Ну что ж теперь делать». И меня завлекают: «Труссы с приколами не хотите?»

калиновка

Село стоит вдоль дороги, и видно до сих пор, каким оно было богатым. Вдоль дороги стоят старые фонари цвета какао с молоком. Они красивы, сделаны ещё в пятидесятых. Соединяющие их провода все срезаны. Ночью здесь светло только от машин и фонарей редких магазинов. «Здесь яблони росли. Здесь виноградники были. Там сливы росли».

семёновка

Недостроенная атомная станция превратилась в часть пейзажа. С ней уже ничего не сделать, и она не тревожит. Мало ли здесь недостроенных руин. Здесь и дачу до конца не каждому удаётся достроить. От моря к Акташскому озеру перелетают бакланы.

ленино

Утром многолюдно, а потом жара замедляет и разрезает всё. У ворот обезлюдившего рынка стоит торговка и спорит по телефону: «Я не поеду... Не поеду. Я не поеду с твоей мамой на море!»

татарская бухта

Море покраснело от поднявшейся со дна руды. По морю плывёт доска с маленьким оранжевым парусом, на доске стоит девочка в жёлтом жилете. «Молодая! варёная! кукуруза! – говорят два идущих по пустующему пляжу парня. – Молодая! ворованная! кукуруза!» Подъезжает грузовик. Из воды вытаскивают на него моторную лодку, лодку-банан.

ильичёвка

Пол дома тёти Лиды сделан для тепла из пустых стеклянных бутылок. Во дворе за большими утятами ходят утята маленькие. В темноте прижались друг к другу три поросёнка. Засыпающие утки переместились. За калиткой сад, за садом холм, который казался в детстве огромной горой, а за горой, казалось, целый другой мир, а сейчас, ночью, кажется, что это край света и что там вместо мира пустота.

ленино

На фронте кинотеатра «Родина» – хорошо сохранённый и обновлённый барельеф: название, год постройки, боевые знамёна, звезда. У больших дверей табличка: теперь это церковь святого Иоанна Кронштадтского. За обелиском в честь Победы пустое пространство с травой и кустами, освещённое луной. За памятник заходят три девушки, ставят на плиты банки с пивом и приседают подальше, чтобы их не забрызгать. За памятник заходят двое молодых мужчин, выбирают подходящий куст. По проспекту Ленина, состоящему из рынка, нескольких небольших магазинов, жилого дома, здания суда, памятника Ленину, скамеек

и деревьев, ходят наряженные девушки, уверенные парни. Ещё год назад мусор тут убрали, но, наверное, те люди умерли от возраста. Этим девушкам не до уборки, этим парням не до мусора, у них другие планы, у них-то будет счастье, они не хотят здесь жить, уж они-то уедут отсюда.

ленино

В посёлке выходит две еженедельные газеты – «Наше время», при власти, и «Репортёр», независимая. Первая раньше называлась «Под знаменем Ленина», а вторую организовал бывший редактор первой. Сейчас у «Репортёра» тираж 4200 экземпляров, у «Нашего времени» – ровно в два раза меньше, но действительные ли это тиражи, неизвестно. Новости в газетах одни и те же, тон примерно одинаков. Отличия такие. В «Нашем времени» местную власть не ругают, в «Репортёре» на неё огрызаются. В «Нашем времени» на последней полосе гороскоп, объявления и рубрика «Ребёнок на все сто» с фотографиями детей из района. В «Репортёре» – астропрогноз и рубрика «Девушка номера», девушки все в купальниках, но тоже местные («Эльвина, Вероника, Оксана, Земфира, с. Войково»), статья «Как выбрать спелую дыню» и ответы на линейный кроссворд из прошлого номера: «Солох-пугалотосканаперископалсумодельвиампириконакрисстилетопись». В «Репортёре», редакция которого сидит в одном доме с отделением «Блока Юлии Тимошенко», хвалят движение «Русское единство». В «Нашем времени» в программной статье пишут: «Господи! Неужели люди не в состоянии увидеть очевидного, неужели в нищей поликлинике, в очереди к нищему врачу вас волнует флот? Нет! Вы думаете о том, почему вас в очереди 20, а в коридоре только 5 стульев! А те, кто кричит о предательстве ваших интересов, они ведь не ходят в эти поликлиники! Неужели это ещё не всем понятно? Наши национальные интересы равны нашим конституционным правам. Эти потребности и эти права – семья, здоровье, безопасность».

По-настоящему захватывает в этих газетах криминальная хроника, которая занимает целую полосу и там, и там. «Жаркая погода ни как не отразилась на криминальной обстановке в Ленинском районе, – бодро начинает „Репортёр“, мало заботясь о правописании. – Как всегда воровали, наносили телесные повреждения, хулиганили. Семья мысовчан на протяжении двух месяцев громко включает телевизор. Чем мешает односельчанке. В ночь на 27 июля по Щёлкино ходил человек, который нецензурно бранился. Поступила жалоба на жителей с. Калиновка, слишком громко праздновали какое-то веселье. 28 июля неизвестный в Щёлкино стучал в дверь. Тогда же в Щёлкино неизвестный периодически заводил и глушил свой скутер. В день открытия охоты, 1 августа, в п. Ленино, в районе дачного кооператива „Яблонька“ кто-то палил в собаку. 26 июля в райцентре местный житель, 1975 г. р. самовольно распорядился имуществом 82-летней бабушки. В Щёлкино 27 июля сестра закрылась в квартире и не пускала внутрь брата. Из-за этого у последнего поднялось давление, и он попал в больницу. 27 июля пришло заявление, что на берегу моря в Челябиновском сельсовете возле дач пасётся стадо коров без присмотра. Наверное, заявитель думает, что в функции милиции входит пасти коров. 30 июля неизвестный проник через дверь в квартиру в г. Щёлкино и открыто украл сто гривен у пьяного владельца жилья. Однако в ходе проверки эта информация не подтвердилась. 30 июля в Щёлкино из отделения банка отказывалась уйти неизвестная женщина. Даже охраннику не удалось удалить упрямую даму. В первый августовский день по берегу Азова возле г. Щёлкино гулял мужчина преклонного возраста. Пьяный и непомнящий кто он, и как его зовут. Допился гражданин. В с. Войково 30 июля пьяный чистополец весьма сильно избил односельчанина. Зачем было ехать аж в Войково, чтобы почесать кулаки? 28 июля на почте в п. Ленино местная жительница избивала почтальона. В ночь на 29 июля кто-то украл в с. Заводское алюминиевый и пластиковый тазики. С первым понятно, его сдадут в металлолом, а зачем второй?»

В «Нашем времени» с орфографией и пунктуацией получше: «Щёлкино. В минувший понедельник жительница дома №14 пожаловалась правоохранителям, что среди бела дня повздорила со своим сожителем. 10 августа пожилой местный житель оскорблял свою жену, 1949 года рождения. Шум мешал жильцам дома №32, которые терпели его сутки, и лишь спустя 24 часа пожаловались на соседей правоохранителям. 12 августа в 11 часов дня жара повлияла на поведение двух жительниц Калиновки: на рынке г. Щёлкино они выясняли отношения с помощью кулаков. Утром в пятницу, 13-го, возле второй городской школы, от неизвестной женщины натерпелась местная жительница. В полдень 15 августа в районе автовокзала г. Щёлкино неизвестная по имени Юлия хулиганила по отношению к местной жительнице. В ночь на 14 августа от действий неизвестного пострадали сотрудники хирургического отделения Ленинской больницы. 13 августа на станции Петрово среди бела дня молодая женщина оскорбляла свою мать. В Белинском тоже было беспокойно: в минувший понедельник лошади местного жителя вытоптали огород пенсионерки. На своих ногах из Приозёрного в Осовино 13 августа ушёл из дома нетрезвый парень. Встревоженная мать спустя сутки обратилась за помощью в милицию. Сынка удалось отыскать и вернуть по месту проживания. Но нервы-то материнские не вернётся. Засветилось на этой неделе в нашей невесёлой рубрике Чистополье. Хотя пяточкой, но попало в хронику: 14 августа поступило сообщение, что житель села хранит наркотики и незаконно занимается приёмом металлолома».

Хоть пяточкой, но попало.

Бутурлино и Дальнее Константиново в октябре 2010 года

Отец мой расстроился из-за того, что его самый способный воспитанник решил не слишком усердствовать на тренировках, и выпил вина, а потом выпил ещё. Выпил немного, но мы с сестрой решили на выходных ехать к нему, чтобы отвезти к человеку, который когда-то дал ему настойку, отвращающую от спиртного.

На станции Смагино было темно и мокро. У вокзала стояли две машины такси. В одной уже сидели два пассажира, и я обратился к другой. Шофёр открыл дверь и показал на первую машину: тут, оказывается, принято заполнять такси целиком, всё равно плату берут с каждого. Я сказал, чтобы нас довезли в Бутурлино до администрации, потому что не смог бы точно показать дом в темноте. Ехали мы быстро и недолго и остановились высадить двух мужчин. Двор показался мне знакомым, он выглядел точно так же, как двор дома, в котором живёт отец. Такси было тронулось, но я сказал, что мы выйдем тут. Это был действительно дом отца. Он уже вышел из подъезда и был очень рад нам.

В квартире было холодно. Отец ходил в валенках. Повсюду лежали газеты – «Арзамасская правда», «Арзамасские новости», «Арзамасские ведомости», «Арзамасские вести», «Ленинская смена», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец в Нижнем Новгороде». На верёвках сушились аккуратные берёзовые веники. Отец очень любит делать веники. Мы позавтракали, отдохнули и очистили комнату от газет.

День был ветреный, а вначале и дождливый. На берегах Пьяны качались деревья. Река была тёмно-синей от неба. Быстрые облака были ярко-серыми с пронзительно белыми краями. Центральную площадь заполнил рынок с одеждой, обувью и хозяйственными товарами. Торговля уже заканчивалась. «Какие хорошие покупатели в самом конце подошли, – хвасталась одна продавщица. – Это, это, это – сразу на три тыщи». На стенде у службы занятости висели объявления о наборе продавцов в сеть киосков «Стардогз» в Москве и судовых электромонтажников и пайщиков многожильных кабелей в Северодвинске. Мы смотрели на неторопливых людей, на резкие тени, на летающие с берёз стаи мелких жёлтых листьев.

Обедать решили в кафе. Оно стоит в самом центре – огромное по местным меркам двухэтажное здание с крупными буквами наверху: «Светлые зори». Над входной дверью же другая, небольшая табличка: «Бест хаус». Отец не пошёл туда. Он обошёл здание справа, упёрся в забор, обошёл и его и пришёл к задней двери. Она была заперта. Он подёргал. Открыла девушка и сказала: «Кафе на втором этаже». «А как пройти?» – спросил отец. «А вот обойдите!» – показала она в сторону. Мы обошли, нашли лестницу и поднялись – там был зал с накрытыми столами, на красных скатертях торчали торжественные салфетки. На кухне шла работа. «А поесть что-нибудь, девчонки?» – спросил отец. «Ничего нет, – ответила одна. – Вчера заказ, сегодня заказ» «А где же?» – спросил отец. Нам указали вниз, мы пошли через зал по чистому полу, который мыла уборщица, спустились по лестнице – и оказались в кафе «Бест хаус».

По телевизору передавали популярную музыку. За одним столом с разбросанной курткой сидел мужчина и что-то подсчитывал на листочке. За другим ели и пили пожилая обширная женщина в платке, мужчина лет сорока с усами на свекольном лице и девочка в цветном пальто и в шерстяной шапке. Девочка всё хохотала, хохотала, а мужчина – он наливал себе из пакета томатный сок, – даже наклонился за лежавшей на полу палкой и шутливо грозил. Нам принесли солянку и лёгкие котлеты с картофельным пюре, посыпанным зелёным луком. Потом отец водил нас по магазинам смотреть ассортименты. Я вспомнил, что сам когда-то заходил в Арзамасе в магазины, чтобы посмотреть, не появились ли в них новые товары.

Это, понял я, один из способов восполнить недостаток новостей в небольшом населённом пункте.

После тренировки мы поехали в Дальнее Константиново, где живёт целитель. Пустынные дороги поднимались, опускались и расстилались посреди чистых вспаханных полей, чистых плавных холмов, чистых разноцветных лесов под чистым спокойным небом. Мы проехали Кеславь и Чепас. Мы видели на окраине Перевоза новый физкультурно-оздоровительный комплекс с огнями и флагами на высоких флагштоках, и видеть его внутри безлюдья было странно. Мы проехали Таможниково и Малую Пицу.

Дальнее Константиново тоже было чистым и тихим. Я был здесь в детстве, и посёлок запомнился мне светлым, беззлобным, праздничным – таким показался и сейчас. На улицах стояли старинные резные деревянные дома, сделанные так добротнo, что не требовали улучшений и переделок. Центральная улица, по которой ехал единственный грузовик, переходила в поля. Мы шли к целителю, и я думал о том, что всё лишнее как будто обошло это место стороной, а нужное тут ценят и берегут. Дом целителя был необычным: перед забором стояли чёрные чугунные пушки с большими колёсами, возле них лежали небольшие ядра, в палисаднике стоял бюст Ленина, на доме – голова солдата в шлеме. Отец с сестрой пошли к крытому проходу к дому, я остался на улице. Вдали над полупрозрачными перелесками тихо поднималась огромная белая луна.

«Ох и горькая, зараза», – сказал отец, когда они вышли. Мы шли обратно, к дому моего дяди, где оставили вещи. Отец рассказывал: «Он интересный. Убил женщину. Нет, не женщину, мужчину, который, ну, он женщину любил, а убил мужчину, который. А сам в милиции работал. И когда сидел, там научился. Он ещё скульптор, в Дальнем Константинове памятники ставил. (Уже вечер, становится всё холоднее; я смотрел по сторонам на берёзы, поля, а отец вспоминал.) Юрка Дурыкин покойный отсидел однажды, вышел, пил. А он в запой на месяц уходил. Ну, друг его и повёз в Саконы. Там тоже такой вот мужик был тогда. Приезжают, а тот: „Юрка! Кореш!“ На нарах вместе сидели, и теперь, значит, к нему возят. Ну, и стали пить за встречу. (Мы прошли мимо церковки, повернули к памятнику погибшим на войне дальнеконстантиновцам. Человек красил синей краской перила почты. „Правильно красишь?“ – спросил отец.) Ходки три он сделал. Ну, морду кому-нибудь набьёт. Или только выйдет, в пивную зайдёт, стоит на столе кружка пива – возьмёт отопьёт и назад поставит. И драться. („Кто он такой-то, – спрашиваю, – занимался, что ли?“) Занимался. Фотография-то у меня в альбоме. На выставке достижений мы стоим. Он в пальто нараспашку. (Я помню, кажется: в шапке-пирожок, в светлом шарфе, перекрещённом на груди) Ещё с другом они как-то калымили, отпраздновали. Он пришёл домой, а жена не пускает. А у него пачка денег с собой. Десяток, что ли. Ну, не пускает. Он взял и десятками дверь оклеил. Жена утром выходит: „Ах, ты!“ („Чем же он клеил?“ – спрашивает сестра.) Не знаю... Жена у него учительницей работала. Потом травилась».

Мы шли мимо милиции. Во дворе стояли разбитые в авариях автомобили, некоторые смятые до несовместимости с жизнью. Я подумал, что все они привезены с нижегородской трассы, от которой Дальнее Константиново стоит в стороне. И, подумал, как ему в этом повезло.

С Маврикия в Москву в декабре 2010 года

Я потом подумал, что если бы так долго не провозился в сувенирной лавке, если бы мне не переделывали там два раза жемчужные серёжки и в конце концов не сделали бы из-за этого скидку в сто двадцать рупий, округлив до семи тысяч (если бы не округлили, я бы, возможно, не смог бы расплатиться, потому что денег на карточке было впритык), и из-за всего этого не задержался бы в отеле, разбираясь с выставленным счётом, то я бы с ним не познакомился.

Я встретил его у стойки регистрации: довольно крупный, хотя ростом с меня, похож на Фореста Уитакера – не только приспущенным левым веком, но и вескостью в словах и движениях. Он показывал стоявшим в очереди людям свой распечатанный электронный билет и пытался спросить, нужно ли ему идти в кассу за обычным. Те его не понимали, его английский был плох. Я ему сказал: «Да всё нормально, только паспорт нужен». Он же сказал: «Хотел уточнить, а то как-то летел из Аргентины, там надо было в кассу идти». Лицо его было землистым, отдалённо квадратным, небритым: щетина редкая, жёсткая, чёрная, в основном на верхней губе. Когда он регистрировался, девушка за стойкой попросила его поставить чемодан боком, ручкой вверх. Он сказал: «Да, это весь багаж, больше нет». «Ручкой вверх», – перевёл я. Ему надо было в Дубае пересаживаться на самолёт «Аэросвита» до Киева, и девушка объясняла ему, что багаж нужно будет там, в Дубае, взять и снова регистрироваться.

В самолёте мы оказались соседями. Мы познакомились, пожали руки; его была во ввевшемся машинном масле. Его звали Игорь, он был из Измаила. Игорь был слегка нетрезв, то есть вёл себя как трезвый, но от него несло нормальным ровным перегаром, таким перегаром, по которому было ясно, что выпить он может много, но всегда себя контролирует. Он стал рассказывать о себе – помощник старшего механика, которому недавно друзья выправили документы старшего механика. Его корабль («балкер», как говорил Игорь) два месяца простоял в Порт-Луи («Порт-Луисе»), а шёл из Китая и потом Таиланда в Кот-д'Ивуар («Берег Слоновой Кости», называл он; незадолго до того там случился военный переворот), вез рис в мешках: «Три вида – для бедных, средних и богатых. Отличается цветом, а больше ничем: самый дорогой розовый, средний голубой (про третий рис я не запомнил). И ещё тем, что самый дешёвый – сечка, а самый дорогой – целый, двадцать долларов килограмм». По пути судно, сделанное когда-то в Японии, сломалось, и они зашли на Маврикий на ремонт двигателя. Но судовладелец-грек пожалел денег на полный ремонт, также жадным оказался суперинтендант («Это такой представитель владельца»), и ремонт был сделан наполовину. Игорь настаивал, что ремонт должен быть полным, иначе балкер встанет в открытом море и нужно будет вызывать буксиры. Суперинтендант отрезал, что ремонт завершён. Тогда Игорь сказал, что отработал половину контракта, разрывает его и летит домой за свой счёт: «Я ему показываю, он говорит: «Почини». Я говорю: «Это невозможно починить, нужна новая деталь. Он говорит: «Ты плохой механик». А я ему говорю: «Ну, ищите хорошего». И ещё покупал неправильные детали. Муфту принёс сильно меньшего диаметра. Просил его насос купить, он купил – для дачи».

Таким образом Игорь оказался на самолёте. Он достал свой большой ноутбук и стал показывать мне фотографии двигателя: «Это моя страховка, чтобы в случае чего показать». Он листал снимки и молча оборачивался ко мне, как будто спрашивал: ну ты видел? Муфта, действительно, было разорвана. Ещё висело пластиковое ведро, в которое стекало масло.

Позже, когда он узнал, что я работаю в журнале, Игорь снова достал ноутбук и показал мне книгу стихов одного своего знакомого моряка. Она называлась «Я, море, низко кланяюсь тебе». Там были, например, такие стихи:

*Прочтешь порой статью морского склада
Что пропечатал кто-то из чинуш:
«Он жить не мог без шторма». Это ж надо,
Чтоб человек писал такую чушь!*

*Я с молодости в море, но не встретил
Чтоб моряки любили штормовать.
Хоть страха перед штормом не заметил
Но чтоб любить?! Такому не бывать!*

*Мы все привыкли к резкой качке судна
И даже спим, улавливая такт.
Но жить в качелях месяцами трудно
И неприятно. Это тоже – факт.*

*А взять бы автора статьи за ушко
Да на недельку сунуть под циклон.
Чтоб поболтало, чтоб с компотом кружка
В столовой учинила марафон.*

*Чтоб суп выпрыгивал на брюки резво
Чтоб ночью в койке покатило всласть,
Чтоб в такт раскачке, гулко и железно
В столе стучала отданная часть.*

*Вот разобрал бы стол раз пять за сутки
Ошпарился в столовой пару раз
И перестал бы, даже ради шутки
Писать такую ерунду про нас.*

*Пиши о молоке надоях смело
И о коровах, что его дают,
Ну, а когда не знаешь сути дела
То не берись. А то ведь засмеют!*

«Читаешь – и подписываешься под каждым словом, сказал Игорь, скидывая стихи мне на флэшку. – Тот, кто в море ходил, тот поймёт». Сам он ходил уже семнадцать лет. «Романтика кончилась через двенадцать, – обозначил он. – Но вообще она кончается после первого серьёзного шторма. Мы, когда шли с Цейлона на Маврикий, попали в такой – девятибалльный. Крен был сорок два градуса, ещё немного и перевернулся. Есть неплохой голливудский фильм „Идеальный шторм“, он вполне правдивый, только приукрашенный: я сколько не спрашивал, никто в такой идеальный шторм не попадал. А если кто и попадал, тот на дне лежит».

Игорь не сильно расстроился, что прервал контракт: «Старшим механиком я буду зарабатывать десять-двенадцать тысяч долларов, а так получал пять. Шесть предложений у меня уже есть. Вообще, русские моряки, то есть и украинские тоже, выросли за последнее время в цене: зарплаты увеличились в два раза». В его экипаже из девятнадцать человек были и русские, то есть украинцы, и бирманцы, и филиппинцы. Одного русского он списал на берег

за неуважительное отношение к азиатам: «Он мне: «Обезьяны». Я ему: «Они такие же люди, как и ты». Говорит мне: «Давай они за нас работать будут». «За что, – говорит, – ты меня списываешь?» – «За то, – говорю, – что ты их обезьянами считаешь». – «Да они же как обезьяны, – говорит, – руками едят». – «Ты вот, – говорю, – попадёшь в экипаж, где русских за таких же филиппинцев считают, тоже будешь обезьяной». Вообще Игорь, хотя и устаёт от английского языка, не очень любит русские экипажи: «Это значит пить весь рейс. Хочу теперь, чтобы русских в экипаже не было». Ещё рассказал, что им положен стакан красного вина в день: «Но наши копят за неделю, чтобы выпить нормально. В Порт-Луисе мы тоже хорошо погуляли. Но это хорошо, за счёт фирмы когда. За свой счёт мы всего раз на берегу были – дороговато, двести долларов водное такси, так называется».

Когда принесли ужин, Игорь, попросив пива, слегка потрогал еду, а потом достал пакет со своей: «Посмотрим, что мне наш повар дал. Он тоже с Украины». В пакете были варёные яйца, курица, огурцы, помидоры и варёная картошка. В Дубае я видел Игоря в коридоре, но потом он исчез.

На московском рейсе собрались и быстро перезнакомились и передружились русские, летевшие на родину из разных, где работали, африканских стран. Стюардесса в конце концов принесла им весь оставшийся запас крепких маленьких бутылочек и попросила только не очень сильно шуметь. Они и не шумели сильно.

За Балашихой в июле 2011 года

Рыболовный клуб «Фиш-тайм» за Балашихой рыбаки называют просто «Фишкой» и даже «Фишечкой» – за уют. Это основательно облагороженный и, как говорят профессионалы, зарыбленный пруд на месте бывшего песчаного карьера. Рыбу регулярно завозят в цистернах и выпускают по сезону то форель, то щук, то сазанов, то – как последние несколько недель – карпов. Рыбаки покупают себе время, а на выходе взвешивают улов и дополнительно платят за рыбу. Карп, например, уходит по 230 рублей за килограмм. Но лучше брать путевку на весь день: она стоит две тысячи, и в нее входит рыба на эту сумму. Если поймана, конечно.

В шесть утра вокруг пруда уже занято мостков десять. В воде торчат то тут, то там поплавки, свистят снасти. Хозяин места, неторопливый молодой человек Булат, предлагает встать с удочкой к завсегдатаю Олегу: тот охотно помогает новичкам. Олег, крепкий мужчина в камуфляже и темных нью-вейвовых очках, рассказал диспозицию: «Я пока точку ищу. Смотрю на пузырение – это первый признак, что карпёнок подошел: он со дна собирает, мутит, а кислород поднимается. Нахожу место – доставляю прикормку. Вот есть адское средство, называемое мортира ручная, – он показывает большущую рогатку. – Так что я пока раскормлю, и вы приходите, половим. Я сегодня на поплавок, а там парни на бойлы ловят».

На бойлы ловит Николай, рыжеватый мужчина с лицом мастера на все руки. Он как раз выуживает добычу, и я вижу, как из зелёной воды появляется усатая розовая морда. Через полминуты голый зеркальный карп с линией крупной чешуи бьется о доски. Рядом с мостком – чемодан с выдвижными ящичками. В них умопомрачительное множество крючков, шариков, поводков и прочих штук. Возле коробка с пахучей рассыпчатой массой, тёмно-малиновой, с желтыми точками кукурузы. «Это специальная прикормка для бойлов, – объясняет Николай. – Бойлы – вот они: это десяточка, это четырнадцатый номер. Это вот крючок с волосом, на волос бойл насаживают, не на крючок. А сюда надо стопора. Знаешь для чего? Чтобы бойл не прыгал и не слетел». Я мало что понимаю, но на всякий случай киваю и агакаю. И рассматриваю пустой крючок, от которого отходит нитка с плотным шариком – он, как я догадался, и есть бойл. Выше по поводку, привязанному к леске, – похожая на веретено конструкция, ее Николай набивает прикормом: «Это кормушка. Я прямо в корм бойл прячу, чтобы он не зацепился за что-нибудь, а рядышком лежал. Ну, и ещё бойл разными штуками сбрызгиваю, вот манго у меня, белый шоколад, ананас, слива, клубника, есть с запахом мотыля». Он берёт удилище, заносит кормушку за голову и резко отправляет её на середину пруда, в прикормленное место. «Почему, – интересуюсь, – насадка не на крючке?» – «Карп – он же как свинья, на самом деле. Бойл лежит рядом с кормом, карп берет, а крючка не чувствует, но потом понимает подвох, мотает головой и сам себя подсекает. Всегда за нижнюю губу. Рыба так меньше всего травмируется, и хозяин здешний даже разрешает ее отпускать. Вставай со мной, поучу. Кстати, клюет», – и Николай кивком разрешает мне выудить рыбу: кончик удилища то сгибается, то выгибается.

Дёргаю вверх. Чувствую упругое сопротивление, но не чувствую тяжести, хотя по всем признакам на крючке крупная рыба. «Опусти и подмотай, – говорит Николай, – а потом снова подними». Опускаю, подматываю, снова поднимаю, и так раз пять, пока не вижу совсем рядом большое рыбье тело. Карп тоже меня увидел – и дал дёру, но я осторожно довёл его до подсачника. Первый!

«Вы подсекать не забывайте, вы ж не дама», – замечает Николай. А я-то думал, что подсёк как надо. Но ничего, думаю, уж в следующий раз! Тело физиологически охватывает азарт. Клюет почти сразу же после заброса. Второй! «Надо сбавить темп, – решает Нико-

лай. – Это я на белый шоколад ловил, а попробуем на ананас». Темп и правда сбавляется, и я пока смотрю, что происходит вокруг.

Слева лежит на шезлонге женщина и разгадывает сканворд. Возле нее стоит с удочкой ещё одна женщина в сером спортивном костюме. Справа сидят по мосткам, расставив удочки, мужчины в шортах, безрезультатно скучают. Над головой низко гудят самолеты. Сзади поскрипывает стройка: вдобавок к рыбалке тут строят гостиницу, бани и ресторан. Над водой взлетают серебристые осетры. Вдруг – странный подсакивающий звук, и я увидел, что удочка прыгнула с подставки и танцует на досках. Бросаюсь к ней – скользко шлепаюсь на спину – но тут же схватываю, подсекаю. Время сжалось в плотный сгусток, я весь превратился в бездумную рыболовную снасть, и вот уже вижу, как покорно следует ко мне третий карпиче. «Я вот так однажды дал половить парню, – меланхолично вспоминает Николай, – а он в костюме был, приличном. Удочку в воду увели, он испугался, что я ругаться буду, – сиганул прям в костюме. Я ему говорю: зачем, вон же лодка есть».

На ананас продолжает бодро клевать. Упускаю одного почти у мостков, но вытаскиваю другого, потом ещё, и ещё. Половина рыб возвращается в воду, иные расходятся по рукам желающих: Николай ловит ради процесса. «Рыбалка как на Чёрных Камнях, – комментируют собравшиеся рыбаки. – Когда Коля приезжает, рыба себя чувствует как в ресторане». Вокруг ощутимо растёт напряжение. Женщина в спортивном костюме не выдерживает: «Да он сейчас тут всю рыбу выловит». Скрытый ольхой человек справа забрасывает свой бойл точно в то место, где питается стая, прикормленная Николаем. Напряжение снимается просто: опытные рыбаки собирают неудачливых на мастер-класс.

«Кормить же надо, ребята. Вы ж не кормите», – учит Олег. Николай показывает прикормку и спреи с ароматизаторами. «Короче, я беру опарышей, брызгаю этой херней и всё? – не верит солидной комплекции мужчина с широкой цепью на шее. – Слушай, я всю жизнь ловлю рыбу. Я знаешь, сколько рыбы наловил за свою жизнь? Больше, чем ты думаешь. Я тут в Рязань приезжал, там пруды большие, рыба – кишит, ртами воздух глотает. Я и глубину такую, и глубину такую – и ни фига не клюет!» – «Ты узнай, каким комбикормом в этом рыбхозе кормят, и на него лови, вон Сергей тебе подскажет». – «Сноповяз!» – демонстрирует Сергей, мужчина лет пятидесяти с грустным лицом. Голоторсые мужчины с большими крестами и без крестов смотрят на сноповяз.

Николай уезжает – дела. Ловить больше уже не хочется: страсть утолена, хочется просто наблюдать. Олег возвращается на свой мосток: «Самое интересное в рыбалке – когда ты обманул рыбу. Особенно если знаешь, что она хитрая. Вон, например, фидера лежат – чего проще, забрось и лови. Но от фидера всё равно возвращаешься к истокам – к удочке, к поплавку. Насадки разные пробуешь. Три-четыре штуки поймал на что-то, и десяток можешь поймать – но уже неинтересно. Начинаешь менять – что бы ей еще такого хитрого, чтобы она клевала? А бывает, ищешь, что бы такое поставить, чтобы она не клевала. Мы раньше в Бисерово ловили, это большой рыбхоз, тут недалеко, но там условий никаких. А здесь – все удобства. Жену можно в кафе отправить. Для детей площадка, даже клоуна могут привезти».

А на другом берегу окруженный семьей отец троих детей вынимает крючок из карпа. «Откройте рот, пациент!» – командует средний его сын лет четырех. Отец кладет рыбу в садок, к четырём предыдущим. Он счастлив: «В прошлые выходные вообще ни одной поклевки. Но мне дедушка подсказал: „Карп черную леску любит“. В чае нужно вымачивать. Да у нас вообще в прошлый раз – крючок крошечный был». Мальчики трогают рыбу.

Могилёв в ноябре 2011 года

Три вещи больше всего запомнились мне в Могилёве: язык, деньги и чистота.

И язык, и правописание: чугуначны вакзал, театр лялек, сёння, цырульня «Прыго-жасць». Смешно – но природа смеха понятна. Русский литературный, обрабатывая диалектные и устаревающие слова, какие-то возвышал, какие-то нейтрализовал, какие-то вытеснял в просторечие, которое и кажется смешным, когда его выдают за грамотный язык. Белорусы называют кукол и железную дорогу ляльками и чугуной всерьёз, а мы нет. Если прислушаться и разобраться, парикмахерская куда смешнее цирюльни. Мы называем красивых людей пригожими, но редко, а «сёння» говорим, но писать стесняемся. Писать же так, как пишут белорусы, в общем, не более забавно, чем говорить «севодня», а писать «сегодня». Сам же народ совсем не похож на впечатление, которое производит их язык. Я был в Могилёве на свадьбе, самая смешная шутка там была такая. Тамада вынул из кармана телефон, приложил к уху и обратился к столам: «Мне только что позвонили из Минска. Сказали, что на этой свадьбе можно хлопать».

В центральном универмаге Могилёва внизу супермаркет, а наверху – советская торговля: пространство разделено перегородками на возрастные и половые отделы, продавщицы наряжены в немаркированные халаты, одежда развешана на кронштейнах, стоящих длинными рядами. Я примерялся к драповым курткам, которые стоили около полутора миллионов, не понимая, дорого это или не очень. «Это нормальная цена», – успокаивала женщина, выбиравшая мужу пальто. Фасон у пальто был добропорядочный, двадцатипятилетней выдержки. Потом мы ходили с братом по пустынным даже в выходной кафе и барам, по центральной пешеходной улице, где на одной двери висело объявление «Только до 1 декабря! Всё по 180 тысяч!» То там, то здесь мы пили бедное, пресное белорусское пиво, закусывали нежным белорусским салом с паприкой. В кафе «Изба» читали меню: картошечка от бабы Люси, картошечка от деда Митяя («та же баба Люся, только с яйцами»), сковородка «Бабкин внук» («в сковородочке лежали драники, а их сверху прикрывала ветчина, грибочки, сыр, майонезик, их кумир»). Драники (просто драники, не внучатые) были безошибочными, жареное мясо с картошкой и луком – тоже. Счёт вышел на девяносто шесть тысяч, я дал две пятидесятитысячных, и когда открыл папку со сдачей, она развернулась, как на пружине, от пёстрой толпы денег. Я долго не мог сообразить, сколько нужно добавить, чтобы чаевые оказались в рамках приличия.

Чистота бросалась в глаза уже на ночном вокзале, а потом поразила наутро, когда я смотрел из окна многоэтажного дома во двор. На большом тёмно-зелёном газоне не было видно ни одного окурка, ни одного пакета, ни одной бутылки, ни хоть какого-нибудь маленького, человеческого мусора – ничего кроме травы и земли. И потом было то же самое: пойдёшь в магазин, и всё чисто; пойдёшь от магазина дальше, и всё чисто. На всех тяжёловесных, облачно-серых, безлюдных, слишком широких для людей улицах Заднепровья было чисто. Вопрос был в том, убирают или не мусорят. Но на следующее утро я пошёл, туда, где на карте был обозначен парк имени 60-летия Октября. Он состоял из редких тонких деревьев и травы, а на траве были и бутылки, и пакеты, и окурки: по отдельности, сосредоточиями, пластами. Я дошёл без дороги до небольшого озера. На берегу стоял корабль, переделанный в ресторан с казино. Всё было закрыто, на другом берегу стояли дома, на песке пляжа были взрыты следы. Сквозила мокрая осенняя пустота, я вспоминал, как вчера вечером в темноте над Днепром подростки тушили и снова зажигали зажигалкой Вечный огонь.

Волгоград в декабре 2011 года

Самолёт вынырнул к длинным полям и тут же взлетел в облака. Как будто пилоты увидели, что это не Волгоград, до Волгограда ещё лететь, и полетели дальше. Командир корабля объявил, что самолёт ушёл на второй круг, потому что полоса обледенела и проводятся меры. Мы висели в воздухе, в сером волокнистом светящемся пространстве, где любая точка не отличалась от любой другой. Приземлились только через час. Полоса была мокрой и льдистой, вокруг была степь, поодаль стояли редкие самолёты. Рулëжная дорожка тоже обледенела, и ещё час мы ждали, пока принимались меры и к нам мог подъехать тягач.

Заказанное заранее такси оказалось прокуренной ободранной девяносто девятой с круглолицым азербайджанцем. Мы ехали в самый дальний от аэропорта район мимо бедных домов из силикатного кирпича и ракетных тягачей на железнодорожных платформах. Слева тянулись длинные бетонные цеха: сначала серый бетон, потом зелёный, потом свежепокрашенный бело-голубой с надписью «ВЗБТ». Потом то же самое началось справа: сначала серый бетон, потом зелёный, а потом свежепокрашенный бело-голубой с надписью «ВЗБТ». Дальнейший город был длинным, окраинным, незаполненным, плохо устроенным пространством. По узким и широким разбитым дорогам ехали немытые грузовики, немытые дешëвые легковые. Перед дальними многоэтажками простирались поля бедного частного сектора. «Вот это самая длинная улица, даже в России», – сказал водитель. Дома разных размеров, перемежаемые степными пустырями, стояли на самой длинной улице разреженные, далеко от дороги и друг от друга. Мне показалось, что в этом городе хорошо жить танкам и тракторам, а не людям, и что планировали его примерно так. «Давайте построим дом тут», – предлагали должностные лица. «Давайте», – отвечали градостроители. «На горизонте пустовато, – замечали должностные лица. – Давайте что-нибудь поставим там». «Давайте, можем», – отвечали градостроители и ставили.

«Там богатый район, куда мы едем, – сказал водитель. – Там нефть и всё это. Больше на город похож». Указатели указывали на улицы Казахскую, Ардаговскую, Морфлотскую. Проехали магазины «Сазаны, карпы и щуки», «Хозтовары для личных подворий», «Мясокур» и «Царь-продукт». Проехали мимо улиц Лавровой, Апельсиновой, Тутовой, Тюльпановой и Шекспира. Проехали гостиницу «Чистые пруды» – двухэтажную хибару среди одноэтажных хибар. Проехали мимо заводов, заводов. Посреди пустоши стояла контора «Гламурстрой». Указатель «Гостиница «Мираж» 1 км» указывал в абсолютно пустое место. Проехали мимо магазина-склада под открытым небом «Красота под ногами», мимо Т-34 на пьедестале. Въехали в более упорядоченный район с высокими серо-фиолетовыми домами. Они были усеяны понизу цветастыми вывесками: «Подземстрой», «Радость хозяйки», «Банный рай», «За так», «На халяву». Переехали через Волго-Донской канал. По мосту тряслись дряхлые чешские трамваи. На льду канала катались на коньках люди. Поехали вдоль длинной бетонной стены с патриотическими рисунками и надписями: «Любимый наш Красноармейск, тебя готовы славить. Красноармейск – частица Волгограда для тех, кто здесь родился и живёт». Приехали: на стойке гостиницы «Волго-Дон» среди других украшений стоял флажок партии «Единая Россия» и диплом «Лучшая гостиница Поволжья в категории «Две звезды». Из окна номера был виден торжественный первый шлюз Волго-Донского канала и – справа – неширокая Волга.

Посëлок Красноармейск – им Красноармейский район, самый большой в Волгограде, был раньше. А ещё раньше он был немецкой колонией Сарептой, основанной гернгутерами, протестантами, идейно произошедшими от Яна Гуса. В Россию они приехали при Екатерине Второй, не столько ради экономических выгод, сколько ради свободы миссионерства: с пра-

вославыми работа запрещалась, зато с калмыками поощрялась. Гернгутеры завели мастерские и заводы, но проповедовали без особого успеха. Семейные жили хозяйствами, неженатые – одним общим домом, незамужние – другим общим домом, женились по жребии. Потом община распалась из-за трудностей, общинный дом с часами на башенке стал лютеранской кирхой, гернгутеры по большей части разъехались.

Сейчас от Сарепты сохранилась квадратная церковная площадь. В центре, где был раньше бассейн с родниковой водой, которую доставлял деревянный водопровод, теперь обелиск над братскими могилами Гражданской и Отечественной. Вокруг сквера на фоне панельных пятиэтажек стоят дома с высокими треугольными крышами, скошенными с торцов. Некоторая часть из них отреставрирована и музифицирована, но в большинстве они выглядят так, будто ремонтировались ещё при гернгутерах. Здесь были склады, магазины, госучреждения, туберкулезный и кожнодиспансер, в двух домах до сих пор находится военкомат. Повсюду на залатанной разрухе висят таблички «Охраняется государством».

Гернгутеры назвали колонию библейским именем – в честь Сарепты Сидонской, куда бог отправил пророка Илию: рядом впадала в Волгу речка с созвучным именем Сарпа (она стала частью канала). Став Красноармейском, она потеряла имя. Красноармейск – это отсутствие имени. Превращение страны в неразличимое пространство: то же самое случилось с Цырицыном. У него было имя в честь реки Царицы, русифицированной Сары-Су, Желтой воды. У Сталинграда тоже было имя: оно подходило городу, превращённому в филиал тракторостроительного и металлургического заводов, а потом и в героическую бойню. Волгоград же не означает ничего, кроме неперсонифицированной пустоты. Город был назван так только потому, что ему больше нельзя было быть Сталинградом и никак нельзя – Цырицыном. В Волгоград можно было с таким же успехом переименовать любой волжский город: от Ярославля и Казани до Самары и Сызрани. Странно, что их все не переименовали в Волгограды, различаемые по номерам, и не завершили тем самым социалистическое изъятие истории.

На столе в гостинице лежало «Меню завтраков в «Нашем кафе» по системе «Шведский стол». Дни различались: по понедельникам среди прочего давали суп молочный с макаронными изделиями, по средам бедро куриное жареное, по четвергам и пятницам тефтели. неизменными были хлебец отрубной, рогалик со сгущёнкой и нарезка мясная, сырная. Никогда я не видел такой тонкой, бумажной нарезки мясной, сырной. В обычное время в кафе кормили салатами «Эсмеральда» и «Нежность», башенками из баклажанов с сыром и помидорами, мясной розочкой, рулетом куриным по-прусски и остальной малоприятной роскошью. К счастью, встречающая сторона вспомнила о кафе с местными соленьями, которые звали «бздоватыми помидорами».

Кафе называлось «Кулинарная мастерская «Транжира» и находилось в подвале. Внутри было богато: каменные каскады, стены красного кирпича, белые свисающие скатерти. Над стойкой висел телевизор с «Кухня ТВ», на экране то вопил Гордон Рамзи, то выгуливал очередное своё худи Джейми Оливер. Приблизилась хозяйка, коротко стриженная женщина с суховатым лицом, золотыми зубами и хваткостью тамады. Мы спросили насчёт бздоховых этих самых солений и какой-нибудь местной рыбы. «Местная рыба? Судачок-с. Шо же, не форель же я вам предложу. Вы позволите, я сделаю его вам так, как вижу. А не понравится, денег не возьму, – напористо расписывала она. – С чем? Да вот с тем, с чем сделаю». Узнав, что я не ем ни майонеза, ни сметаны, замнулась, но нашлась: «А сыр вы откусиваете? В любом случае соус он идёт на чём-то. А яички вы кушаете вообще? Позволительно ли спросить, уважаемый господин, отчего же такое недоразумение в вашем лице? Я почему так дотошно вас выпрашиваю – вы определились таким образом на предмет этих двух продуктов, потому что они вам в принципе не нравятся или у вас аллергия? И если

я туда положу чего-то, а вы знать не будете, то ваше трудное детство не скажется?» Я уверил, что распознаю, так что она пообещала сделать с чем-то другим. Ещё мы хотели ухи, но сошлись на борще, тем более, что «борщ, говорят, у нас славный»: «Если бы заранее, я бы вам такой ухи бы наварила. На завтра ущицу можно заказать. Но надо варить её из карпа, исключительно. Рыба – это как у Паниковского гусь. Рыба – это же рыба!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.